

— Никто, кроме нас! Российский спецназ! —

СЕРГЕЙ

Зверев

**РАЗБОРКИ
ДЕЗЕРТИРОВ**

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Сергей Зверев
Разборки дезертиров

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

Разборки дезертиров / С. И. Зверев — «Научная книга», 2011

Следователь военной прокуратуры Михаил Луговой ищет двух дезертиров, скрывающихся с оружием в тайге. Поисковая группа засекает беглецов в районе горного массива. Отстреливаясь, дезертиры скрываются в подземных катакомбах. Поисковая группа спускается за ними. В катакомбах происходит обвал, и чудом выжившего Лугового с товарищами подземная река выносит на другую сторону горного массива. Там они узнают, что попали в «Республику дезертиров», этакое государство в государстве, в котором действуют свои, странные и нелепые законы. Местные рабы добывают золото и алмазы, выращивают и обрабатывают наркотики. Контролируют порядок в «республике» наемные бандиты. Выбраться из этого места невозможно, так как со всех сторон его окружают неприступные горы и болота...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Сергей Зверев

Разборки дезертиров

Над райцентром формировалась грозовая туча. Набухла, как переполненный курдюк – уже касалась брюхом фаллической Кладбищенской сопки, расползалась, охватывая неосвоенные территории. А с запада надвигались подкрепления – косматые, жирные, ясно намекающие, что день закончится бурно и мокро.

Лично мне было глубоко безразлично. Трудно думать о погоде, когда под тобой жесткое сиденье с причиной геморроя под обшивкой, «уазик» молодецки гарцует, голова бьется в потолок, а тип, которого мы усердно преследуем, готов обороняться до последнего.

Закончился асфальт, началась Россия. Хотелось бы знать, чем занимаются наши прославленные коммунальные службы. Даже в ад дорога вымощена!

Мы уже проскочили барачные общежития консервного заводика, водонапорную башню, в которой по традиции ни воды, ни напора, зато охраняется государством (то есть мной). Слоган на заборе любовно подновили: «Рабочим – санатории, буржуйам – крематории!» Городишко оборвался, потянулся серпантин вдоль обрывистого берега Кучумовки, двухцветные столбики с наклоном. Из преследуемой «Нивы» выбралась рука с пистолетом, сухо затрещали выстрелы. Водитель с гордой фамилией Козлов резко вывернул руль и завопил:

– Михаил Андреевич, да что же он творит! Совсем башню снесло мужику?

– Боевое крещение, Серега, – ухмыльнулся я.

– Спасибо, меня уже крестили... – Машину мощно трянуло.

– Эй, дорогу держи! – завопил я, хватаясь за выступающие части салона. Приподнялся, чтобы валик под обшивкой не пронзил до кишок. И очень кстати – «уазик» подлетел на ухабе, хлопнулся о грунт и чуть не сверзился в Кучумовку. Но какой-то квалификацией Козлов обладал – мы прокатились по полосатому столбику, окончательно его завалив, задели следующий и, вихляя кормой, сумели-таки выровняться.

Пистолета при себе не было. У Козлова тем более – он простой водила при конторе. И вообще, очень странно устроилась жизнь. В мои обязанности в последнюю очередь входило преследование преступников по пересеченной местности. Мои обязанности подразумевали протирание штанов в углу кабинета, ленивую работу с бумагами и лицезрение секретарши шефа Нинель, которая заходит к нам по десять раз на дню и вся уже обнамекалась.

Плюясь и выражаясь, водила выжал газ. Дистанция между беглым майором и суровой дланью закона понемногу сокращалась. Беглец проделал то же самое и дважды пальнул. Промазал, ушел за поворот – мы помчались за ним. Стена хребта потеснила небо, пушистые елочки на обрыве... Опять пальба. Я не выдержал, обернулся. Что происходит? «Буханка» с Ленькой Аристовым и тремя гориллами из комендантского взвода неторопливо тащилась за нами и вовсе не собиралась обгонять. А ведь при полной амуниции ехали, лентяи! Правильно, кому охота под пули в молодые годы? Пусть уж Мишка Луговой поработает (один и без оружия) – ему недавно целых тридцать шесть хлопнуло, жизнь не удалась, жена не любит, карьерный рост противопоказан – спи спокойно, дорогой товарищ...

– Михаил Андреевич, мы долго это будем терпеть? – разразился стенаниями Козлов, когда разлетелась вдребезги передняя фара.

– Спокойствие, Сережа, – сказал я. – Научись считать – хотя бы до восьми. Сколько патронов в обойме у «макарова»? Правильно, восемь. Все ушли, а второй обоймы у этого кренделя нет, она у него в сейфе на работе. Выезжай на встречную, догоняй... – Машину подбросило, что-то вывалилось из-под колес, с дребезжанием покатило в речку – какая-то мелкая, «незначительная» деталь. – Блин горелый! – заорал я. – Ты следишь за своей колымагой?!

– Слежу!!! – обиженно заорал Козлов. – А кабы не следил, мы бы с вами, Михаил Андреевич, на первом же повороте всмятку расшиблись!!!

Обиженный до глубины души, белобрысый паренек вмял акселератор, домчался до теряющей азарт «Нивы» и выехал на встречную полосу. Обе машины неслись впритирку по узкой грунтовке. Не меньше ста – а больше по такой дороге и не выжмешь. За рулем «Нивы» – обрюзгшая рожа, уверенно наматывающая астрономический срок. Пальцы тряслись, со лба капало. Оттопырил нижнюю губу и что-то шептал. Мельком глянул на меня, усиленно жестикулирующего – а я стучал по лбу и делал знаки остановиться, – и вроде начал замедляться...

Действительно, на что он мог надеяться? Сбежать из городка некуда, только в тайгу, а в тайге не проживешь. Пятьдесят восемь градусов северной широты, сто один – восточной долготы. Граница Якутии и Иркутской области, глушь, хиреющий райцентр – тридцать тысяч населения. Ближайший городок – Соколовка, сорок верст. Дорогу перекроют, мелкие заимки не в счет, чаща, медведи, рыси, волки, пьяные дезертиры, трезвые ээки, регулярно сбегающие из заключенной зоны в Красношлыково (спорт у них такой)... По преданиям, в здешних местах захоронен Чингисхан, и места эти овеяны ореолом мистики и загадочности. Об этом безостановочно твердят историки, археологи и прочие товарищи, которым нечего делать. Однако поддержать их или опровергнуть, сидя в городе, невозможно, поскольку городок Марьяновск уж точно не покоится на могиле Чингисхана.

– «КамАЗ» навстречу! – каркнул Козлов.

Действительно, в клубах пыли и копоты нам навстречу несся прославленный отечественный лесовоз! Водитель издавал тревожный рев, но тормозить, похоже, не собирался. Зачем ему тормозить? Подумаешь, летит какой-то «УАЗ» по встречной полосе – он заведомо неправ.

– Обгоняй «Ниву»! – заорал я.

Тормозить уж было поздно. Машины неслись, едва не сцепившись бортами. Впечатление, что «Нива» сбросила скорость, оказалось обманчивым. Сто, не меньше!

– Эх, маманя родная... – заскрипел молодыми зубами Козлов.

Он умудрился вырвать машину вперед. Мы обошли «Ниву» на полкорпуса и имели различные шансы сделать ее на вторые полкорпуса. Безумный майор находился в полуметре от меня. Повернув голову, я встретился с ним взглядом – гримаса шизофреника искажала заплывшее лицо. «Нива» вздрогнула и тоже набрала скорость! Уже не обогнать! Дыхание перехватило. «КамАЗ» несся в лоб...

– Шакал в погонах! – заверещал Козлов, сбрасывая ногу с газа.

В нормальной ситуации за такие слова можно и в репу. Но ситуация была предельно ненормальная. Я закрыл глаза. Все мы там будем. Пошустрим и, как положено... Маловато, конечно, пожил, хотелось бы еще – сына не взрастил, дерево не посадил и даже этого майора теперь уж вряд ли посажу...

Но как-то мы, однако, выпутались. Молодец Козлов. Стоило присмотреться к парню. Овладел собой, разобрался в ситуации, ушел за «Ниву» за миг до столкновения с громыхающим лесовозом, и когда я открыл глаза, он уже пристраивался к преступнику, старательно выворачивая тому выхлопную трубу.

– Жалко, что у нас не «КамАЗ», Михаил Андреевич, да? Представляете, купил «КамАЗ» и не жалеешь. Никого!

– Ну, ты и дал, Серега, – выдохнул я. – А чего так светишься-то? Обалдел от счастья?

– Не, Михал Андреевич, не поверите, на хавчик пробило! Жрать хочется – спасу нет! Никогда такого голода не чувствовал...

Нормальная, в сущности, реакция. Я бы тоже чего-нибудь скушал. Ползущие в арьергарде наконец проснулись. Львиный рык «КамАЗа» сменился дребезжанием «буханки». Простучали помощники. Каменные «гансы» прилипли к стеклам, подмигивал Ленька Аристов – отличный парень, но совершенно без царя в голове. У майора оставался последний шанс – сотворить

что-нибудь нестандартное. «Нива» резко вильнула, ушла с дороги в разлом между скалами, и в десяти шагах от леса тюкнулась в кочку. Грузная фигура вывалилась в траву, заковыляла к лесу...

Совсем свихнулся человек. Еще вчера вальяжный мужчина, майор Безбородов, командир ВЧ 14910 – одной из воинских частей РВСН, расквартированных в Марьяновском районе. Пред именем майора трепетали полторы сотни солдат и два десятка офицеров. Кавалер четырех орденов, имеющий личное благословение командующего округом и местного митрополита, за выдающиеся заслуги в деле строительства Вооруженных сил, несгибаемую волю и неустанную заботу о солдате. Заурядный Герострат, вор и педофил. Завлекал в канцелярию запуганных детишек-новобранцев и вытворял с ними такое, что и на зоне бывает редко! Уверенный в своей безнаказанности, построивший систему запугиваний и «поощрений», попутно подворывающий казенное имущество и воспламенивший склад ГСМ, когда понял, что на хвосте прокуратура и надо срочно заметать следы. Дело не афишировали. Следственные материалы собирались четыре месяца, допросы пострадавших велись скрытно. Малейшая утечка, и майор бы из кожи вылез, чтобы дело развалилось. Он чувствовал неладное. Когда пришли брать, нервы сдали, распахнулся, начал тупить. Рванулся с заднего крыльца, прыгнул в «Ниву» (а в гараже еще «Мистраль» за тридцать «тонн»), чуть не сшиб супругу лейтенанта Рябова с коляской...

Серьезные неприятности для следствия начнутся, когда майор окажется в кутузке и придется ежедневно водить его на допросы и очные ставки. Представляю волну запугивания, шантажа и прямых угроз...

Сгибаясь под тяжестью стопудовых грехов, Безбородов добежал до чащи, рухнул в ошестившийся сучьями подлесок. Он бы и на двадцать метров не продвинулся в тайгу. Леса у нас, в принципе, красивые. Сосняк-голубичник с изобилием брусники, отдельные березки примешаны к сосняку, шиповник, можжевельник, раkitник, море толокнянки – «медвежьей ягоды», костяника сплошным узором – наш северный гранат. Но это не везде. На юго-западном направлении еловые чащи чередуются с оврагами и абсолютно непроходимыми завалами бурелома, в которые лучше не соваться, если, конечно, заинтересован в сохранности скелета...

Две машины неторопливо съехали с дороги, встали недалеко от леса. Румяные здоровяки из комендантского взвода – возраст явно преддембельный – лениво разминали суставы.

– Беденький, в тебя стреляли, – поцокал языком Ленка Аристов.

– Козлова лучше пожалей, – буркнул я. – Парню теперь машину ремонтировать и штаны покупать. А магазин при части, между прочим, на ревизию закрыли.

– Сами покупайте штаны, Михаил Андреевич, – обиделся чувствительный Козлов. – Подумаешь, стреляли. В меня, если хотите знать, раз двадцать в жизни стреляли, ни разу не обделался.

– Гы-гы, – заржал ефрейтор с огненной шевелюрой.

– А с этим-то чего делать, товарищ следователь? – кивнул на лес второй солдат – с ярко выраженной физиономией гестаповца. – Привести бы надо товарища майора, скучно ему там одному... Мы пойдем?

Процедура, судя по сияющим физиономиям, доставляла парням невысказанное удовольствие. Их чувства можно понять: трудно найти среди военнослужащих Марьяновского района человека, испытывающего к майору Безбородову теплые чувства.

– Гони автомат, – протянул я руку, – сам возьму. Тебе, дружок, на дембель скоро, яркая жизнь ожидается, если, конечно, не посадят, не имею права тобой рисковать.

Я отобрал автомат и весь какой-то усталый, разбитый поплелся к лесу. Ни одной мысли в голове, кроме мысли о диване.

– Рэмбо ты наш, – хмыкнул вдогонку Аристов.

– Гражданин майор, – сказал я, раздвигая ветки, – к вам обращается старший следователь военной прокуратуры Луговой Михаил Андреевич. Не грузите нашу нервную систему, Александр Яковлевич, очень умоляем. Выйдите, пожалуйста, ознакомьтесь с ордером на арест. Проявите благоразумие. Надеюсь, вы понимаете, что попытка к бегству, стрельба по сотрудникам прокуратуры при исполнении и дальнейшее упорство вряд ли будут способствовать смягчению вашей участи?

Лес уныло помалкивал.

– Эй, майор, – крикнул кто-то из «гансов», – кажется, дождь собирается! Промокнем же...

Северные окраины Марьяновска уже окутывала фиолетовая мгла. И ветер дул как раз оттуда.

– Благоразумие, майор, – не выдержал Аристов, – активно поощряется!

– И сохраняет попки естественно сухими, – заржал ефрейтор.

Засмеялись все и даже я, руководитель группы захвата, действующей на свой страх и риск. Последствия ареста командира войсковой части трудно переоценить. Что и подтвердила физиономия майора, с треском и кудахтаньем вылупившаяся из залежей бурелома. Случилось это, правда, не сразу – мы успели позевать.

– О, как мы рады! – обрадовался я. – И какую линию поведения выберем, майор? Припадочки поделаем? Или еще не решили?

– Луговой, вы покойник, – дерзко заявил офицер. – Надеюсь, вы отдаете отчет своим поступкам? Прошу отметить в протоколе, что я был вынужден открыть огонь после того, как подвергся нападению со стороны неизвестных, не пожелавших предъявить...

– Ну и ну, – крякнул Аристов – Далеко не дурак, а вот вблизи...

– Как это не пожелавших предъявить? – удивился я и вместо предъявления ордера, который действительно имелся, поднял автомат, взметнул приклад на уровень челюсти противника и поступательным движением отправил точно в цель. – Не сочтите за грубость, майор, – сказал я после того, как арестованный начал шевелиться, – но вам привет от рядовых Симакова, Маркушина, Шестеренко, а также от меня лично, которого вы тоже за последние месяцы ох как затрахаили – фигурально, так сказать. Эй, бойцы, грузите арестованного!

– Знаешь, Мишка, – проворчал мне на ухо Аристов, – у меня такое ощущение, что неприятности мы будем грести ковшом от экскаватора...

А мне плевать с высокой колокольни – дальше Марьяновска все равно не сошлют. Вернее, могут – на остров Врангеля, например, или в отдаленную чукотскую деревню, хотя ума не приложу, зачем в отдаленной чукотской деревне военный прокурор (да и на острове Врангеля он не очень востребован). Не сказать, что я упертый фанат законности и Конституции, однако терпеть не могу, когда в открытую воруют и насилуют молодежь. Видит бог, я приложу все старания, чтобы свою законную «десятку» Безбородов обрел.

Похожая история случилась четыре года назад в Н-ске. Молодой и горячий следователь (не будем показывать пальцем) вывалил на стол гарнизонного прокурора убедительные доказательства причастности ряда офицеров к сокрытию «бытовых» казарменных преступлений, в которых погибли восемь (!) солдат срочной службы, четверых довели до психушки и еще пара дюжин лечилась по госпиталям и гражданским больницам. «Не может быть! – воскликнул гарнизонный прокурор. – Спасибо вам огромное, Михаил Андреевич, мы обязательно проверим эту информацию». Проверять, собственно, было нечего – ходи да загребай. Доказательства собраны. Выйдя от прокурора, я посчитал, что самое разумное, что могут сделать оппоненты, – это тихо меня ликвидировать. Были приняты соответствующие меры. Однако под удар попал не я, а молодая женщина, месяцем ранее ставшая моей женой, а за три месяца до этого – беременной (из второго, собственно, и вытекло первое). Случился выкидыш, за ним депрессия, за

депрессией – переосмысление ценностей и констатация факта, что у нас уже никогда не будет детей. Моральное бичевание, очередное подтверждение, что миром правят сволочи, у которых все схвачено, и «заманчивое» предложение навсегда отправиться помощником военного прокурора в городок Марьяновск. «Нет такого города», – в ужасе содрогнулся я. «Есть такой город, – с презрением вымолвило высокое начальство. – Очень даже приличный населенный пункт. Тридцать тысяч проживающих, два десятка предприятий, из которых устойчиво работает лишь вино-водочный завод, где бесстыже крадут градусы, и четыре воинские части, в которых постоянно что-то случается. А также вакансия в местной военной прокуратуре – даже не вакансия, а зияющая дыра. И огромного вам счастья, Михаил Андреевич, не говоря уж о безграничных успехах в работе. Можете идти...»

Полагаю, в случае отставки меня ждали бы проблемы куда серьезнее, чем переезд в заштатный, выведенный из списка годных к проживанию городок...

В этот день, последний вторник июля, я притащился домой в десятом часу вечера. Дождь как раз сделал паузу. Любезно раскланялся с соседями Штраубами, извлекающими из погреба прошлогоднюю картошку, выслушал рассказ нетрезвого философа Лапштаева, бухгалтера завода удобрений и поклонника белой горячки, о невыносимой легкости бытия, о том, что фильм пора снимать на именины – «Сорок первый», о том, как хочется в жизни позитива. От позитива на двоих я решительно отказался, пошлепал по лужам в барак, где проживал в отдельной двухкомнатной квартире на втором этаже – с кухней, телевизором и душем. Сунул палец в отверстие почтового ящика (традиция), убедился, что там ничего нет, с трудом извлек обратно, привычно удивляясь несовершенству пальца (туда входит, обратно не хочет), заскрипел на второй этаж.

Открыл, разделся, рухнул.

Наутро было ощущение, что в черепушку забрался злобный карлик и настойчиво пытался выдавить глаза из глазных впадин. Уперся в них ногами и нещадно давит, давит...

Сознание пребывало в ауте. Я уселся на кровати, тупо вглядывался в рассвет, набухающий за окном. Лето с липкой жарой и отсутствием воздуха, слава богу, подходило к концу – оставалось пережить дождливые август с сентябрем, и можно начинать приготовления к зиме.

Шевельнулась близлежащая женщина.

– Ты изверг, Луговой... – прозвучало из-под одеяла. – А я вчера, между прочим, две смены отработала.

– Задремала, и никто не разбудил? – пошутил я, сползая с кровати.

– Уже уходишь? – Сонная мордашка выбралась на свет, поморгала.

– Спи, Натаха, – подоткнул я сбившееся одеяло. – Ухожу. Пораньше надо сегодня. Зубра крупного отловили – командира ракетчиков из Тальниковой. Вот где будут визги и угрозы.

– Тот майор, который солдатиков насиловал? – шмыгнула носом Наталья.

– А ты откуда знаешь? – удивился я. – Вроде не бродила информация по свету.

– Не помню, – смутилась Наталья. – В клубе кто-то говорил, где еще?

Гарнизонный дом офицеров, где Наталья занималась «культурно-просветительской работой» с военнослужащими, тоже не являлся местом, где раскрываются следственные тайны. Голова трещала, как паровозная топка. Я сгреб предметы туалета и принялся поочередно их натягивать.

– Полежи со мной, – попросила Наталья.

– Вечером, – вздохнул я. – Извини.

– Знаешь, Луговой, – в ее голосе зазвенели издевательские нотки, – в новостях передавали, что один умелец из Н-ского Академгородка предложил аппарат на двух батарейках для введения ионов серебра через слизистую для повышения потенции. Давай закажем?

Я резко повернулся – она ойкнула от испуга.

– С потенцией у меня все нормально, – процедил я с еле сдерживаемой яростью. – Вечером могу продемонстрировать. Если меня, конечно, не убьют, не взорвется голова или, скажем, если ты не утратишь к вечеру расположения это делать. Спасибо, Натаха, за отличное начало дня.

Вскочив с кровати, я метался по квартире, лохматил зубную щетку, давился чаем, потом в прихожей злобно запикивал какие-то бумаги в затертый бюрократический портфель, туда же утрамбовывал бутерброды с колбасой. С грохотом натягивал ботинки.

– Не обижайся, Луговой, – жалобно попросила из спальни Наталья. – Что ты, в самом деле, я же все понимаю...

– Зато я ни черта не понимаю!

– Не обижайся... На обед сегодня придешь?

– Нет!

– А фумигатор из розетки выключишь?

– Да!

Никому не интересно, где я провел сорок минут перед работой. Зарядкой занимался. Где я был, там в восемь утра меня уже не было. В половине девятого, соорудив озабоченное лицо, я вошел в кабинет.

Интеллектуал и мечтатель Булдыгин – обладатель лысины с начесом – тоскливо смотрел в телевизор. Вздрогнул, когда я хлопнул дверью, приглушил звук и повернул ко мне меланхолическую физиономию с бульбой на носу.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – согласился Булдыгин. – Не могу поверить. Знаешь, что сказал по ОРТ почтенный чеченский аксакал? «Никогда на Кавказе политические вопросы не решались с позиции силы и решаться не будут». Он сам-то понял, что сказал?

– Блестяще, – хмыкнул я. – Это подрывает твои представления о мироустройстве?

– А заместитель командующего погранвойск? Представляешь, что торжественно бабахнул? Скоро, мол, датчики движения и видеокамеры будут установлены на всем протяжении российско-китайской границы. Интересно, они на карту когда-нибудь смотрят? Знаешь, Мишка, один из нас точно ненормальный – либо я, либо телевизор...

Хмуро начинался рабочий день. Булдыгин, чуть не плача, смотрел в окно – физиономия одутловатая, мешки под глазами. Я согрел кипятивником воду в кружке, бухнул туда заварки и задумчиво съел бутерброды, приготовленные на обед. Булдыгин тоскливо помалкивал.

– Какого же дьявола ты вчера напился, Павел Викторович? – дошло до меня.

Ответ, конечно, выглядел поэтично. По-другому мечтатель Булдыгин не умеет. Он воздел к потолку короткую длань с пальцами-сардельками и выразительно продекларировал:

– «Пусть я иногда бываю пьяным, зато в глазах моих – прозренья дивный свет...»

Сергей Есенин. Ни света, ни прозренья в оплывших очах коллеги не было даже под лупой.

– Сын провалил очередной экзамен? – сообразил я.

Непутевое чадо Булдыгина обучалось в иркутском политехе и, судя по отдельным репликам папаши, делало это без должного рвения.

– Матанализ завалил, паршивец, – скорбно подтвердил Булдыгин. – Три «банана» в весеннюю сессию, преподаватели пошли навстречу – перенесли экзамен на конец июля, а он опять не выучил. Еще и шутит, остолоп, – дескать, проще сдать анализ, папа, чем матанализ.

– Не расстраивайся, – отмахнулся я. – Ленина тоже с первого курса турнули.

– Над Лениным не висела Российская армия! – патетично воскликнул Булдыгин. – Подумаешь, турнули. Полюбуйся. – Он швырнул через стол свежий номер «Известий», где в передовице было что-то подчеркнуто. – Сведения, обнародованные Главной военной прокуратурой. Официальные, заметь, сведения. Только за неделю мирной жизни от преступлений и проис-

шествий в войсках погибли сорок четыре военнослужащих! Половина роты! Двадцать восемь человек получили увечья различной степени тяжести! Девять самоубийц среди погибших! Двадцать покушений на самоубийство! Растет количество тяжких и особо тяжких преступлений! А число правонарушений, связанных с дедовщиной! Просто геометрическая прогрессия! И ты предлагаешь отправить Витьку в эту клоаку? Да пусть он хоть до пенсии проходит курс молодого самца, чем однажды – курс молодого бойца...

– Заметь, я такого не предлагал, – возразил я. – А что касается данных прокуратуры, то их уже успешно опроверг министр обороны в позавчерашней гневной отповеди. По сведениям министра, количество погибших в результате преступлений и происшествий неуклонно сокращается с 2001 года. Неуставщина сходит на нет. Прапорщики не воруют. Полный стабилизец, Павел Викторович. Армия открыта для всех желающих. А прокуратуре следует хорошенько думать, прежде чем бросаться непроверенными цифрами.

– Но мы-то знаем, – огрызнулся Булдыгин. – Эх, жисть поломатая... Ты и вправду закрыл Безбородова, Мишка? От души хотелось бы тебя поздравить, но как-то язык не поворачивается. Знаешь, у меня такое ощущение, что ты весь в чем-то коричневом, но не в шоколаде.

– А ты откуда знаешь? – разозлился я. – Ну ладно, моей жене мог присниться вещий сон, но ты-то?..

– Ни разу не пересекался с твоей женой, – запротестовал Булдыгин, – мне своей жены хватает с избытком. Но с утра я успел посетить СИЗО районной прокуратуры. По секрету дежурный сообщил, что у них объявился таинственный узник, которого сторожат бойцы комендантского взвода, имеющие приказ не подпускать к сидельцу даже Верховного Главного командующего. Я понимаю, Мишка, что дальше Марьяновска не сошлют, но как тебе перспектива провести остаток дней с пулей во лбу? Вспомни мудрого Есенина: «Что не смогли в словах сказать уста, пусть пулями расскажут пистолеты»?

– Минуточку, – возмутился я, – у каждого свой собственный риск. Дело капитана Муромцева о «естественной смерти» гражданки Муромцевой, которое ты курируешь, тоже не является прогулкой выходного дня. Капитан Муромцев до прошлой недели служил в спецназе, нет?

– О, это дело просто песня, – глазки коллеги заблестели. – Обожаю мистификации и талантливые попытки объегорить следствие. Ты, кстати, знаешь, что с версиями «естественной смерти» никто не переплюнет Екатерину Вторую? Прикончила муженька – Петра III – и пишет жалостливое письмо Понятовскому: «Так уж несчастливо сложилось, милый друг – в один день и воспаление кишок случилось, и апоплексический удар присовокупился...» Если не понял, Мишка, это удар табакеркой по голове. И «заболевшему» супругу в Ропшу добрая царица заранее послала хирурга – с наказом прихватить все, что надобно для вскрытия и бальзамирования. А капитан Муромцев всего лишь дал жене сильное сердечное и удрал в гараж – якобы там и просидел полдня. Все учел, помимо одного – газетки за текущее число, которую приобрел в киоске на Кедровой (его запомнила продавщица, а прессу, между прочим, подвезли после трех), а затем неосмотрительно оставил дома. Ну, не могла же, согласись, парализованная жена сбегать за газеткой любимому супругу?

– Но это не доказательство, что именно Муромцев отправил жену на тот свет, – возразил я. – Ну, был он в доме незадолго до ее смерти, ну и что?

– Нет, Михаил. Капитан был дома ВО ВРЕМЯ ее смерти, и я это докажу во что бы то ни стало, уж можешь мне поверить.

Нашу милую беседу прервала секретарша прокурора Колесникова (правая его рука и левое полушарие), вплывшая в кабинет, как в собственную ванную. Сумрачные стены озарились угрожающей улыбкой. Перекрашенная блондинка с тонкими ногами и дефектом верхней части туловища, который она скрывала накачанным гелем бюстгальтером.

– Здравствуй, Нинель, – бесстрашно перехватил я инициативу. – Признайся, солнышко, ты пришла к нам просто так, по традиции – чтобы полюбоваться на наши приятные лица?

– Вздор, – с нордической прямоотой сказала секретарша, задирая очаровательный прямоугольный носик. – Больно надо мне на вас любоваться, Михаил Андреевич.

– А на меня? – поднял голову Булдыгин.

– А на вас тем более, Павел Викторович. Вот если бы вы изжили бородавку с носа... Плохие новости для вас, Михаил Андреевич. Ярослав Евдокимович очень недоволен вашей самодеятельностью и грозился...

– Безбородова не выпущу, – храбро заявил я.

– ... и грозился из вашего работодателя сделаться вашим работодателем. Он отдает, конечно, должное вашему фирменному нахальству, феноменальной работоспособности, безграничной вере в торжество законности и дьявольскому уму...

– Умище так и свищет, – хихикнул Булдыгин.

– ...но очень переживает по поводу того, что человек, которого он, можно сказать, вскормил, подкладывает ему такую мощную мину.

– Меня вскормил Ярослав Евдокимович? – изумился я.

– А что в этом необычного? – издевался Булдыгин. – Зевса вскормила свинья, Ромула и Рема – волчица, царя Кира – собака, а тебя уж, Мишка, не взыщи – вскормил прокурор.

– Стоп, – поморщился я. – Понимаю вас обоих. Завершайте свою речь, Нинель Борисовна.

– А я уже завершила, – Нинель уставилась на меня с эротичной жалостью. – Ярослав Евдокимович хочет вас увидеть.

– А телефоны в здании уже отключили? Безжалостно с его стороны – отправлять женщину в утомительное путешествие с третьего этажа на первый.

– Ярослава Евдокимовича вызвали в штаб соединения, – вспыхнув, отчеканила Нинель. – Исключительно по поводу вашей самодеятельности. Убыл в спешке, будет через два часа. После обеда вы обязаны стоять на ковре с виноватым видом и поменьше грубить.

– Ага, – возликовал я, – а телефоны в нашем здании все же отключили! Вам также ничто не мешало, Нинель Борисовна, поднять трубку и передать мне пожелания вскормившего меня человека! Признайтесь, вы нарочно спустились на первый этаж, чтобы я обратил внимание на вашу новую розовую блузочку?

Секретарша вспыхнула и так хлопнула дверью, что стекла задребезжали.

– Ты бы, это... – проворчал Булдыгин, – как говорят в культурных кругах, фильтровал базар. Нинель нормальная баба. А ты ведешь себя с ней, как последняя свинья.

– Да ладно, ничего, – смутился я, – сбегая на досуге, извинюсь. Нервы просто шалят. Чую, коллега, будет нам вагон неприятностей.

– Власть без злоупотреблений теряет очарование, – заметил Булдыгин. – Все, что происходит внутри забора с красной звездой, имеет место и вне забора. Слышал о проекте «Закона о государственных информационных ресурсах области»? Его жуют областные власти. Пропишут в законе, какая часть информации о слугах народа является гостайной, а какая не является. Мания величия, Мишка. Все прекрасно знают, что они воруют. Сказать, отчего произошли люди по мифам народов Двуречья? Богов была тьма-тьмущая, работать не хотелось, боги как-никак, а кушать надо. Бродили по земле, питались травкой и кореньями, воду пили из луж. Плохо, в общем, жили. Ну и задумались однажды с голодухи: а почему бы слуг не наделать? Пусть еду готовят, одежду шьют, развлекают нас в меру сил.

– А ты зачем об этом заговорил? – не понял я.

– Просто... – прошептал Булдыгин, устремляя за окно тоскливый философский взгляд.

Ума не приложу, какая муха укусила меня съесть до срока те злосчастные бутерброды с колбасой. К полудню проснулся страшный голод, а в нашей столовой, как в большой политике, котлеты подают после мух – перед ушами от мертвого осла, и есть их можно только непосред-

ственно перед похоронами. Кофе – из отборных сортов ячменя. А в магазине за углом ассортимент времен загнивающего социализма: синей птицы не стало меньше. А почему бы не рвануть домой? – подумал я. Пять кварталов легкой рысью, баскетбольная площадка, гаражи – и я на месте. Сообразит уж чего-нибудь, не оставит меня голодным. Ну, скажу ей пару ласковых, если начнет насмехаться – дескать, кто орал, что не придет на обед?

Наступающая на город туча очень кстати сменила направление.

– Ты куда? – заволновался Булдыгин. – А в шахматы?

– Сам с собой играй, – буркнул я. – Ты знаешь, что в Америке изобрели политкорректные шахматы? Все фигуры серые.

Я должен был развеяться.

Развеялся я, конечно, наилучшим образом. Во дворе было тихо. Томились тополя-длинномеры в душном безветрии. Стая сизокрылых спорхнула с крыши, когда я пересекал двор. Я невольно вскинул голову, оберегаясь от пикирующих экскрементов, и обратил внимание, как дрогнула занавеска на окне в спальне. Кто-то быстро отошел от окна. Остались синеватые завихрения над открытой форточкой.

Дошагав до крыльца, я вспомнил, что Наталья не курит. А меня там вроде нет. Как-то странно стало в горле. Кактус вырос. Постояв под козырьком, я решил повременить с посещением квартиры. Прижался к стеночке и осторожно высунул нос из-под навеса – не видно ли меня из окна? Не видно. Прижавшись к фундаменту, я добежал до угла, миновал торец, где была глухая стена, и выглянул на заднюю сторону, примыкающую к задворкам частного сектора.

Субъект мужского пола, наспех одетый, выбрался из кухонного окна и с треском свалился на крышу сарая инспектора райотдела Роспотребнадзора Зинченко, чьи владения размещались за баракком и хорошели год от года. Шлюзы распахнулись в душе! Этого типа звали лейтенант Халиуллин – командир хозяйственного взвода в батальоне ракетчиков. Гроза курятника, командующий поварами, хлеборезами и прочими поросятами. Горячий поволжский парень, так его растак...

В лучшие годы я сделал бы негодяя с двух ударов. Бокс, дзюдо, сложное дворовое детство. Нынче – с трех, учитывая полную растренированность и дороговизну продуктов. Но совершить поступок, приближенный к преступлению, мне было не суждено. Крыша сарая оказалась покатою. Приземлившись, Халиуллин свалился на колени, но потерял равновесие, заскользил вниз. Вытаращил глаза и с треском сверзился в курятник Зинченко! Полный успех. Курятник взорвался, словно бомба! Кухтали куры, гремели тазики, боевито вопил петух, бросаясь на агрессора. Кроху радости мое израненное самолюбие все же получило. Халиуллин визжал от боли. Орала Шурка Зинченко, горластая супруга инспектора, охаживая супостата садовым инвентарем. Похоже, для лейтенанта Халиуллина начинались непростые времена.

Я побрел обратно, поднялся на второй этаж и предстал пред очами верной супруги. Она успела натянуть вьетнамку, мои шорты, сцепить волосы заколкой и даже набросить покрывало на кровать в спальне. В ее глазах металась паника.

– Привет, – растерянно улыбнулась Наталья. – Ты вроде сказал, что не придешь на обед. Я бы приготовила...

– Да вышло так, – вздохнул я и сунул нос в спальню. – Не бери в голову... О, ты в солидном возрасте начала курить? У тебя стресс, Наташа?

– С чего ты взял? – Она вспыхнула.

– Дымок струился, – пояснил я. – И накурено здесь. Такое уж свойство у табачного дыма – ты его в форточку, а он – обратно.

– Детишки на чердаке, наверное, курят. – Она бледнела, норовила закрыть собой окно. – А в форточку тянет...

– Разумно, – согласился я. – Дым по закону физики стремится вниз, это всем известно. И пачку «Дуката», что лежит за горшком с лавриком, тоже детиски сбросили. Слушай, Наташа, а что за гам у Зинченко? Можно подумать, будто бомба в курятник попала.

Не было у меня охоты наслаждаться ее мятущейся физиономией. Неловко это. Не жизнь, а какая-то коллекция ошибок. Опустив глаза, я побрел на кухню, где из открытого окна открывался интересный вид. Горе-любовнику удалось вырваться из курятника. Но путь к отходу отрезала разгневанная Шурка с вилами. Дамочка не детского сложения. Он что-то бормотал и пытался ее обрулить, вытаптывая клумбу, а Шурка грозно махала вилами и требовала объяснений. Халиуллин затравленно поглядывал за спину, а когда узрел меня в окне, как-то весь обмяк, потерял контроль над ситуацией и пропустил увесистую плюху...

Я закрыл окно и отвернулся. Мы молчали несколько минут. Непоправимость случившегося доходила не сразу – медленно, торжественно. С моим лицом, наверное, что-то происходило. Наталья крепилась из последних сил, ей очень хотелось бежать из дома – мятой, неидеальной, измазанной в сперме...

– Ты, наверное, думаешь о том, существует ли жизнь после секса? – вкрадчиво спросил я.

– Прости меня, Мишутка... – Она стремительно превращалась в какое-то неживое, окостеневшее, до боли незнакомое и чужое существо.

Заплачет же сейчас, глупая. Все четыре года моего бесславного брака пролетели перед глазами и превратились в точку.

– Ладно, – выдохнул я, – проехали.

Оторвался от подоконника и побрел из квартиры.

– Ты куда? – спросила Наталья неодушевленным голосом.

– Пособие писать, – пошутил я. – «Жена и уход от нее».

– А как же... обед?

Я сдержанно, без хлопка, закрыл входную дверь. Боюсь, с обедом уже никак.

– Разрешите, товарищ подполковник? – Я боком втиснулся в обитый деревом кабинет. Чтобы попасть к нашему шефу, нужно осторожно, чтобы не сбить пальцы (ручка близко к косяку), отворить одну дверь, протиснуться, сжав плечи, в узкий тамбур, открыть еще одну и не забыть не запнуться о приступочку. Пока проделаешь все операции, уже ощущаешь себя ничтожным и бесполезным.

– Давно пора, – процедил прокурор Колесников, отрывая массивную голову от папки с бумагами. Снял очки, водрузив на меня тяжелый, немигающий взгляд. Такая уж манера здороваться у нашего шефа. У каждого своя. Тибетцы с Южных Гималаев, например, приветствуют друг друга высовыванием языка, пощелкиванием зубами, при этом качают головой и чешут уши.

– Мы уже победили преступность? – грозно осведомился прокурор. – Нам нечем заняться?

– Опоздание на двадцать минут не считается, – буркнул я. – Занят был.

– Ах, занят он был... – Прокурор сцепил кустистые брови, а прокуренный рот начал расплываться в пышущую ядом улыбочку. Несовместимые элементы мимики, но почему-то нашему прокурору они блестяще удаются. – А не поделишься, дорогой друг, чем неотложным ты был занят? По-моему, все способное взорвать спокойствие нашего городка ты проделал еще вчера вечером. Или не всё?

– Вы действительно хотите знать, Ярослав Евдокимович? – подумав, спросил я.

– Да уж будь ласков. Очень хочется знать, где проводят мои подчиненные рабочее время.

Я поведал – сухо и конкретно. Словно план школьного сочинения: первый пункт, второй, третий. Скрывать случившееся глупо, все равно узнает. А мужик наш прокурор хороший, невзирая на уйму вопиющих недостатков.

– Мать святая... – схватился за голову прокурор и уставился на меня, как на отпетого рецидивиста. Затем как-то неуверенно стал почесывать седую шевелюру. – Дело, конечно, щекотливое, Михаил... С одной стороны, я тебе глубоко сочувствую... Хотя с другой...

– Я поступил низко, Ярослав Евдокимович?

– Он еще спрашивает... Халиуллин жив?

– Безусловно, господин прокурор. Сотрясение мозга, не больше. Пара фонарей, новая пломба... вместе с зубом, растяжение мягких тканей с небольшой предрасположенностью к геморрою. Ничего серьезного, Ярослав Евдокимович, нормальный товарищеский суд.

– Ты еще назыви это офицерским судом чести! Это срок, Михаил. Полновесный срок. Свидетели были?

– Соседка. В жизнь не проболтается. Она сама отходила Халиуллина вилами – для разогрева, так сказать. А потом и я подтянулся. В общем, не яйца красят человека, Ярослав Евдокимович.

– Не смейся меня, Михаил! – грохнул кулаком по столу прокурор.

– Да разве мне до смеха? – возмутился я. – Плакать впору. Давайте забудем эту безобразную историю. Халиуллин жаловаться не пойдет, у него жена, сочинит что-нибудь об уличной преступности, да и леший с ним. А остальное – мое личное дело, Ярослав Евдокимович.

– Ладно, поживем – увидим, – смиловился прокурор.

– Спасибо, – поблагодарил я. – А теперь давайте забудем и вторую безобразную историю – из-за нее вы, собственно, меня и вызвали.

– Ну, уж не дождешься! – зарычал Колесников. – За это дело ты еще не заплатил. Понимаешь, какую бомбу ты нам подложил?

– Перестаньте, – поморщился я. – Вы смотрите на меня так, словно это я насиловал мальчишек, бил, воровал, учинял поджоги на складе опасных материалов. Следственные мероприятия проводились с вашего негласного ведома. Вина насильника доказана, улики собраны, в чем проблема, Ярослав Евдокимович? Сопrotивление при аресте – он чуть не перестрелял нас всех! В общем, делайте что хотите, а Безбородова я не выпущу. Костями лягу. Лучше сразу увольняйте.

– И что ты собираешься с ним делать? – прокурор прищурился.

– На выбор, – пожал я плечами. – По почкам арматурой, пятки жечь, жилы вытянуть. Сознается, подпишет и успешно присядет на скамью подсудимых. А уж парнишки, давшие показания, теперь не отвертятся, уж они у меня не откажутся от своих слов...

Прокурор молчал целых пять минут, успев за это время выкурить две сигареты и разжечь во мне опасение, что истинная причина моего появления на третьем этаже не так проста.

– Ладно, Михаил, – вздохнул прокурор, – можешь присесть.

– Вы хотели сказать: можешь идти?

– Присядь! – зарычал Колесников. – Дело у меня к тебе.

– Хорошо, Михаил Андреевич, – тоном человека, который хочет подлизаться, сказал прокурор. – Хрен с Безбородовым... Ты, кстати, знаешь, что растение хрен относится к семейству капустных? Забавно, правда?

– Впервые слышу, – признался я.

– Можешь плясать, Михаил Андреевич – я был сегодня в штабе соединения, и там нелестно отзывались о майоре Безбородове. Из Читы пришла телега, инкриминирующая майору парочку смертных грехов. Обвинение в мужеложстве, склонении к насилию и сожигательству очень органично вплетаются в канву.

– Вы шутите? – не поверил я.

– Серьезен как никогда. Всплыло старое уголовное дело, когда в бытность майора... тогда еще капитана Безбородова заместителем командира отряда специального назначения по

воспитательной работе, дислоцированного в станице Знаменская, происходили исчезновения граждан, проезжающих на личном автотранспорте через КПП «Семеновка». Девяносто седьмой год, великое переселение народов, люди пропадали просто пачками... Нашлись высокие заступники, вину не доказали, присвоили Безбородову очередное звание и перевели в Россию. Так что не трясись, Михаил Андреевич, никто у тебя не отнимет подследственного. Завтра из Читы прибывает следственная группа, которая и доведет это дело до логического конца.

– А я...

– А тебя уже здесь не будет, – отрезал прокурор.

– Понятненько, – обреченно вздохнул я. – Меня уже отдали в добрые руки.

– У капитана Лугового Михаила Андреевича неплохая репутация, – ухмыльнулся Колесников. – Пытался он ее однажды запятнать, когда в запале чуть не пересажал командование Нского гарнизона по надуманному предлогу. Молодой был, неопытный, не понимал, кто у нас люди, а кто боги. Но с тех пор...

– Больше никаких пятен, – уныло сказал я, – чист, как Моисей.

– Идеальный кандидат на выполнение ответственного задания, – подтвердил прокурор. – А теперь слушай внимательно. Крупные бонзы в Читинском гарнизоне испытывают озабоченность и готовы сделать все, чтобы переложить эту озабоченность на других. Масштабная неприятность. Позавчера вечером из расположения воинской части 49154 сбежали двое солдат...

– Но эта часть... – начал я.

– Дурная привычка – постоянно перебивать! – возмутился прокурор. – Да, эта часть не входит в нашу непосредственную юрисдикцию. Строительный батальон под Соколовкой...

– Строительный батальон? – перебил я.

– О боже! – взревел Колесников. – Еще раз перебеешь – последуют меры. Хозяйственное подразделение, вспомогательная часть – назови как хочешь. Если в нашей стране законодательно отменили стройбаты, это не значит, что их нет. Не могут же все воровать – кто-то должен и работать! И так, сбежали два солдата. С оружием...

– И это вы называете масштабной неприятностью?

Прокурор осекся и начал багроветь, одновременно вырастая из-за стола.

– В Анадырь, – подсказал я, – немедленно.

– Не дожدهшься, умник. – Прокурор справился с порывом, хлебнул водички, откашлялся и опустился на место. Помолчал минутку, ловя ускользящую мысль. – Так вот, неприятность действительно масштабная. Рядовой Пыряев и рядовой Райнов... Стоп, – рявкнул прокурор, пресекая очередную вспышку моего воспаленного юмора. – Не острить на тему «Спасти рядового Райнова» – это просто совпадение, кино снимать не будут! Хотя действительно, по воле злой иронии нас интересует именно рядовой Райнов – рядовой Пыряев нас интересует меньше. Солдаты отслужили три месяца – призваны в мае. Пыряев из Ангарска, Райнов из столицы. Часть, в которой они служили, надо признаться, не передовая. Перебои с водой, отключения электричества, антисанитария... Словом, солдат приучили не бояться темноты и туберкулеза. Скрутили дневального, открыли оружейную комнату, забрали два автомата, шесть магазинов с патронами и махнули через забор. Только рассвело. Комендантское отделение, посланное вдогонку, было встречено шквальным огнем и успешно подтерлось. Двое солдат ранены – по счастью, не смертельно.

– Над ними издевались?

– А как же, – ухмыльнулся прокурор, – и очень активно. Особенно над Райновым – кто же из старослужащих стройбата откажется поглумиться над столичным жителем? Ушли в тайгу. Несколько раз их видели. Дважды – на дороге, связующей Соколовку с Марьяновском, и еще – на Медвежьем хуторе, куда они забрели в поисках пропитания. Никого не убили – набили вещмешки и потопали дальше. По свидетельству местных жителей, были изрядно взвинчен-

ными. Угрожая оружием, остановили «газик» пенсионера Швыдченко, старика высадили, сами покатали на северо-восток. Обогнули Марьяновск с юга, плутали по проселкам и всплыли на дороге Марьяновск – Чебаркуль. Направление по-прежнему северо-восточное. Административная граница с Якутией. Глухомань, населения – полный хрен. До Чебаркуля двести верст... Водители оказались неважные – «газик» пенсионера Швыдченко нашли в кювете с пропоротым колесом. Дезертиры пропали. Очевидно, пошли пешком – параллельно дороге. Рота ракетчиков топает по следу, месит грязь и прочесывает окрестности дороги – там глухая тайга, от дороги не отойти, сплошные завалы, и это облегчает поиски. По крайней мере вселяет оптимизм. В тайгу они не влезут. Навстречу, из Чебаркуля, следует подразделение внутренних войск... Надеюсь, ты обратил внимание, что дезертиры, сбежав из части, рванули не на юг, где имеется худо-бедно цивилизация, а ровно наоборот, где вообще НИЧЕГО нет?

– Я обратил внимание, Ярослав Евдокимович. Вижу три варианта. Либо эти парни худы в географии, либо собрались в отшельники, либо имеют специфический план. И чем же знаменит рядовой Райнов?

– Папиком. В дело вступает большая грязная политика.

– А-а... – не удержался я, – секс для людей среднего возраста...

– Молчи. – Колесников старательно скрыл улыбку. – Долгое время господин Райнов трудился в аппарате правительства. Закулисные игры, козни недоброжелателей, опала, и сынок Райнова, который вроде бы освобождался от службы по «финансовой» договоренности с военкоматом, успешно гремит в несокрушимую и легендарную. У парня плоскостопие – нормальные войска не светят. Спасти сынка у чиновника возможности не было – самому бы удержаться. Снова закулисные игры, козни, подковерная возня, и в итоге торжествующий Райнов всплывает в Администрации президента, причем не в самой скромной должности! Летит депеша в штаб Сибирского военного округа (а штаб, если помнишь, до сих пор в Чите) – срочно доставить рядового Райнова в областной центр, оттуда со всеми воинскими почестями – в Москву. Где крутилась депеша, неизвестно, две недели прошло – возможно, папаша по незнанию выбрал не то средство связи, но явилась она в Читку, когда сынуля, доведенный до кондиции старослужащими, намылился в бега! Забавно, да? Депеша – в часть, пацан – из части. Не знаю, известно ли папику о подвигах своего отпрыска, но штаб трясет от ужаса, и требуют немедленно доставить рядового. Портишь отношения с администрацией президента они почему-то не хотят.

– И почему, интересно? – хмыкнул я. – Так вроде ищут уже, нет? Ну, ходят толпой, комаров покормят, малины наедятся – в итоге найдут. А не найдут – те сами вылезут из леса. Вы так на меня смотрите, Ярослав Евдокимович, словно я обязан возглавить поиски.

– Ты обязан присутствовать, – отрезал прокурор.

– Именно я?

– А кто? – удивился прокурор. – Твои недостатки – для иных достоинства. Суди сам. Рядовой Райнов нужен живым. От мертвого Райнова толку хрен. Говорить солдатам, что этот парень нам нужен живьем, поскольку у него ПАПИК, который устроит сыну увольнение из армии или беззаботное ее протекание где-нибудь в Раменском, глупо. Обязательно пристрелят. Сам бы пристрелил... (Ну и шуточки у прокурора.) Не говорить, что он СЫНУЛЯ – все равно пристрелят. Парень с помпой удирает из части, ранив двух солдат. Он опасен, понимаешь? С ним валандаться не будут. Чуть попытка к сопротивлению – огонь на поражение...

– И я смогу проехать между Сциллой и Харибдой, убедить поисковиков, что брат дезертира нужно только теплым, не объясняя причины, а рядового Пыряева можно и пристрелить?..

– А мне плевать! – грохнул прокурор. – Поручено мне, а я поручаю тебе! Не хочешь же ты, чтобы я на старости лет бегал по тайге с автоматом? В общем, хватит точить лясы, Михаил, слушай вводную. Бери с собой Булдыгина и Аристова. В семнадцать ноль-ноль пульей на вертолетную площадку – будет вертушка. В шесть – уже на месте. За операцию отвечает

капитан Хомченко, там и познакомитесь. Все – рабочий день для тебя окончен. И смотри мне, Михаил, без рядового Райнова из тайги лучше не выходи...

Никогда не чувствовал себя военным человеком. Поэтому я не стал ковыряться на казенном складе, решив, что все необходимое соберу дома. Доставка – вертолетом, обратно, надеюсь, тоже, и в любом случае я не собирался отдаляться от дороги. В надменном молчании я собирал вещи, натягивал прочные носки. Извлек из комода «моряцкое» нательное белье, хранимое по принципу «А вдруг пригодится?», кожаные ботинки, штормовку с капюшоном, перчатки. Бросал в сумку сигареты, спички, нож, туалетные аксессуары, мазь от комаров, фонарик на всякий случай, какие-то галеты (откуда они в доме?), бутерброды с колбасой, сухое печенье. При этом я упорно игнорировал тень жены, висящую за спиной.

– Ты далеко? – нарушила Наталья тягостное молчание.

– В командировку.

Она не поверила – судя по тоскливому вздоху. А мне не хотелось говорить с ней, смотреть ей в глаза, убеждать в чем-то. И все же я покосился на отражение в буфете. На супруге в этот день был экономнейший из ее халатиков, пуговицы расстегнуты, волосы до плеч, в глазах мольба и скорбь по утраченному. Явно хотела помириться. Но я не ссорился со своей женой. И секса с ней мне не хотелось уже несколько недель (хотя и не сказать, что страдаю импотенцией).

– Почему?..

– Работа требует, – я пожал плечами. – Пару суток буду отсутствовать наверняка, а там – по обстоятельствам. В буфете восемь тысяч; половину возьму с собой, остальными распорядись.

Она коснулась меня коленом.

– А как же я, Миша?..

– Как хочешь, – я резко повернулся. – Продолжи странствия по постелям. Найди себе самца повышенной пушистости. На Халиуллина больше не надейся – не придет. Но ничего, глядишь, еще один встретится... в смысле, попадетсЯ.

– Ты не хочешь поговорить, Миша? Мне не нужен никакой Халиуллин... – В ее огромных зеркальных глазах, которые мне жутко нравились в 99-м году, блестели слезы.

– Нет, – покачал я головой, – не хочу.

– Но вряд ли еще удастся...

– Конечно, – улыбнулся я. – Вчера было рано, завтра будет поздно, а сегодня не хочется. Неужели ты всерьез считаешь, что семейное гнездо будет держаться на моих рогах?

– Но это ты виноват! – выкрикнула Наталья, как всегда без плавного перехода.

– Только не сейчас, – поморщился я. – Оставим выяснение отношений на лучшие времена. Напомни, где живет твоя мама? В Мышкине? В Обосранске?

– В Минусинске, – вздрогнула Наталья.

– Точно, – согласился я, – был с утра такой город. Почему бы не навестить любимую маму? Поживешь у нее месячишко-другой, а из клуба можно и уволиться – все равно зарплату не платят. Пойми меня правильно, Наталья, – пресек я противоправное движение, – я вовсе не гоню тебя к чертовой матери. Но думаю, что... временное проживание у мамы пойдет нам обоим на пользу.

Она пыталась заступить дорогу, когда, взвалив на плечо тяжелую ношу, я шагал к двери. Обойти Наталью не составило труда. Пусто было на душе. И от слов ее, прозвучавших в спину, ничуть не полегчало:

– Я никуда не поеду, Миша. Я буду ждать тебя...

В этом городе было лишь одно лекарство от душевных ран. Проживало оно на улице Фабричной – в самом конце, где двухэтажные завалюхи плавно перетекали в частный сектор. Я

миновал скрипучий мостик через ручеек. Постоял у калитки, рядом с грудой березовых поленьев, вошел на участок. Приятная зелень закрывала дворик от взглядов посторонних. Коты исполняли в крыжовнике истошную симфонию.

Я подтянул рюкзак, посмотрел по сторонам и постучался в дверь. Шикнул на поющих в крыжовнике.

– Кто? – спросили за дверью.

– Да так, – неопределенно сказал я, – некоторые несознательные товарищи.

Открыла женщина с большими удивленными глазами. Растерялась.

– Опять ты?

– Ага, – красиво улыбнулся я, – с точностью до миллиметра. Так и буду приходить – к началу рабочего дня, уходить – в конце рабочего дня. Только не говори, что у тебя мужчина.

– Не буду, – она отступила в сумрак сеней. – Нет у меня никого. Откуда? От сырости только ты у меня завелся...

Я вошел и поцеловал ее в губы. Потом сделал это еще раз, и еще много, много раз. Целовать эту женщину и заниматься с ней любовью доставляло мне большое наслаждение. И совесть при этом не роптала, поскольку изменял я жене со всеми мерами безопасности, не то что некоторые. А Валентина, к которой я захаживал, была всецело понимающей, не болтуньей и практически святой. Ухаживала за мужем, лежащим в районной больнице с опухолью мозга, трудилась в отделе кадров консервного заводика, по выходным ездила на кладбище – навещать могилку погибшего в трехлетнем возрасте сына. И никогда не плакала, невзирая на загубленную жизнь. А я завелся у нее действительно от сырости – в период майского половодья, когда Кучумовка разлилась, как море, многие организации отправляли людей на подмогу «утопленникам» – увозили людей, спасали вещи. Я заплыл на резиновой лодочке в какое-то подворье, а женщина с хорошим лицом помогала дальней родственнице кантовать телевизор на чердак...

Я зашел к ней на минуточку. До вертолетной площадки – четверть часа доброй рысью, такси по городу не ходят, ждать автобус замучаешься. Имелось во мне какое-то нехорошее предчувствие. Не конца, нет. Главные герои не умирают (или я не главный герой?). Но что-то обязательно случится.

– Ты, никак, в солдаты собрался, Мишаня... – шептала Валентина у меня на плече. – Тебя уволили из прокуратуры?.. Слушай, а ты не знаешь, почему мы на пороге топчемся?

– Времени мало, Валюша, – пожаловался я. – В командировку уезжаю, дезертира ловить. Ты же знаешь закон жизни: чем меньше шестерня, тем больше ей приходится вертеться...

– Нехорошо мне как-то, Мишаня... – Теплые руки поползли по моей шее, охватывая затылок. – Ты ушел сегодня утром, и мне нехорошо стало – о тебе весь день думала. Не ходил бы ты, Мишань, во солдаты, а?..

Рота автоматчиков топталась на месте, осваивая в час не более трехсот метров. Отрывисто звучали команды, матерились рядовые. Несложный математический расчет подсказывал, что для «освоения» полного протяжения трассы Марьяновск – Чебаркуль потребуется полтора месяца.

– Дьявол... – чертыхался капитан Хомченко, худощавый субъект с негнушимися волосами. – Не могли эти сволочи сбежать в сентябре, когда листва опадает и вся эта «зеленка» просматривается как решетка...

– Не могли, товарищ капитан, – ворчал молодой комвзвода лейтенант Гурьянов. – К осени дембельская благота в могилу бы парней загнала. Это не наши ракетчики, хотя и наши не подарок. Но у нас, по крайней мере, судимых нет, а у «строителей» половина роты на зоне отбарабанила, порядки лагерные, служат, словно на киче чалятся, офицеры в роту заходить боятся, нормальных парней чморят, а военная прокуратура забила на этот геморрой и вообще не шевелится...

Несчастные люди строили эту грунтовку. По обочинам непроходимые заросли – смешанная масса стволов, корней, ветвей с шипами. Корни плетутся по дороге, создавая интересные сюрпризы для транспортных средств. Разложение растительных остатков идет в тайге с колоссальным трудом: термитов нет, гниение затрудняет смола. Старые леса громоздятся по всему району: мертвые горы хвороста, упавшие стволы, многие висят на соседях. Вредители размножаются на полуживых деревьях, съедают живые ветки, не давая лесу размножаться... Пару раз молодые солдатики делали попытку углубиться в тайгу, и всякий раз их с матерками приходилось извлекать. Часовая задержка – искали автомат рядового Малашкина, который тот успешно уронил в груды валежника, кувыркаясь с горки. Представляю, что бы сделали с парнем, не оказавшись под боком целой троицы работников военной прокуратуры...

– Похоже, наш царь и бог был прав, – задумчиво вещал рыжеволосый Ленька Аристов, – деться с данного направления дезертирам некуда. Но в этом, мужики, я вижу чрезвычайную опасность. Из Чебаркуля движутся «вэвэшники», а этим парням по барабану, кого мочить, с юга – рота автоматчиков. Прижмут дезертиров – они же совсем озвереют: начнут палить из чащи – представляете, сколько народа положат? И как в данной ситуации их прикажете брать живыми?

– А я вообще не понимаю, почему Луговой потащил нас с собой, – брюзжал закутанный в непромокаемый плащ Булдыгин. – Вот скажи, Леонид, у нас работы в прокуратуре нет? Жена, как узнала про эту «командировку», синими пятнами покрылась. «Ах, ты, Пашенька, – говорит, – на кого же ты нас бросаешь? Ах, предчувствия недобрые...»

– На прогулку вывез, – хихикал неунывающий Аристов, – не век же нам томиться в четырех стенах. Относись смешнее к жизни, Булдыгин, тебе не повредит коррекция формы живота – посмотри, на кого похож, ленивец.

Коллеги вяло переругивались, а у меня абсолютно не было желания участвовать в беседе. Ситуация менялась кардинально – семейная, рабочая. Сбегали из памяти события прошлого, оставалась размытая дорога, вырубленная в вековой тайге, низкорослая чаща, непроницаемый кустарник, морозящий дождь, фигурки солдат в плащ-палатках, бороздящие завалы и жгучий подлесок...

Рота явно была не укомплектована. Шесть десятков бойцов, из которых две трети – новобранцы. Полтора десятка шли по левой обочине, охватывая относительно проходимый участок леса, полтора – по правой. Остальные сидели в двух «Уралах», медленно ползущих за облавой и вынужденных делать долгие остановки. Через час менялись. Четверо военнослужащих, имеющих представление о слове «техника», двигались в хвосте, ощупывая недостижимые завалы переносными тепловизорами. Эти штуки реагировали на массу объекта, а не то приходилось бы трубить тревогу по каждому зайцу.

Мы ехали в замыкающем «Урале». Булдыгин категорически отказывался месить квашню, сидел, нахохлившись, у кабины, зыркал на солдатиков, которые в нашем присутствии были сущие ангелы. Мы с Аристовым систематически делали вылазки. С момента нашего приземления в зоне поисков прошло часа два. «МИ-8» завис в полуметре над дорогой, выпихнув нас из чрева. Больше всех эта высадка «в Нормандии» не понравилась Булдыгину – он зацепился за полозень, прыгая в грязь, и только своевременная реакция Аристова не позволила ворчуну слиться с ландшафтом. «Топтуху» привезли!» – возликовали оголодавшие солдаты, окружая вертолет. Узнав, что, кроме продуктов, на голову свалилась военная прокуратура, старослужащие приуныли, молодые оживились, офицеров потряс рвотный спазм, и работа пошла веселее. С фотографий, выданных Колесниковым, смотрели два нормальных паренька. Сняты в день принятия присяги, форма парадная. Пыряев усеян конопушками, долговязый, голова похожа на тыкву, физиономия детская, «парадка» мешком. Райнов несколько серьезнее, из тех, что нравятся девчонкам, взор с поволокой, лицо продолговатое, скулы сильно выступают.

– Не понимаю, Луговой, – с обидой выговаривал Хомченко в первые минуты нашей недружественной встречи, – какого лешего здесь забыла военная прокуратура? У вас жен нет? Так шли бы по любовницам – куда интереснее, чем грязь месить. Считаете, без вашего чуткого контроля мы не сможем выловить дезертиров? Это первые дезертиры в нашей жизни?.. Ах, спасибо, прокурор, ловить дезертиров мы можем, а вот сохранять в живом виде... А это будет зависеть от дезертиров. Вскинут лапки, бросят оружие – не думаю, что ребята откроют огонь. Ну, помнут немножко. А если первыми начнут стрелять... тут проблема. Не стану я удерживать парней. Пусть уж лучше дезертиры погибнут, чем кто-то из моих солдат.

Я пытался втолковать, что дезертиры (не заостряя персонально) мне нужны не просто в живом, но и невредимом виде, чем окончательно довел комроты до слез умиления. Он не стал выяснять, какого дьявола мне это надо, а просто отослал к сержантам – дескать, с этими бугаями и договаривайся. Так я и сделал.

– Шуточки у вас, товарищ, как к вам обращаться... – просипел жилистый верзила сержант Капустин.

– Капитан, – подсказал я. – Плюс-минус. Если к вечеру не разжаловали.

Шутка младшему комсоставу понравилась. Доверительность отношений выстраивалась по мере выкуривания моих сигарет.

– Усвоено, – кивнул сержант, недоверчиво косясь на мою просоленную штатскую штормовку. – А вдруг начнут палить по нам, товарищ плюс-минус капитан? Уговаривать прикажете? А подстрелят, не дай бог, кого из пацанов?

– А если нас подстрелят? – вторил сержант Архипов – ряха не менее внушительная и авторитетная. – Не-е, товарищ прокурор, предложение непродуманное – пусть всегда буду я, как говорится. Извиняйте, а приказать нам вы не можете – вон, своих приказчиков хренова туча.

– Двоих они уже подстрелили, – напомнил Капустин, – когда из части драпали. Но это «гансы», их не жалко. А вот своих парней мы подставлять не будем.

– Приказать не могу, согласен, парни, – признал я. – Но отпуск выбить в состоянии. Понимаете намек? Десять дней свободы, не считая проезда. Дембель ведь еще не завтра, нет?

Намек был предельно симпатичный. Сержанты обещали полное содействие. Ну а как оно в жизни получится – в общем, хрен ее знает, товарищ майор, в смысле, капитан. Плюс-минус. Стоит ли раньше времени делить шкуру неубитого медведя?

Шаг за шагом рота продвигалась. Дорога размокла, моросил дождь. Тучи превратились в однотонную серость. Машины, следующие из Марьяновска в Чебаркуль, без разговоров разворачивали, зачастую под дулами автоматов, идущие в обратном направлении тщательно обыскивали и с богом отпускали. «Шеф! – хохмили солдатики. – Увези нас отсюда! Третья улица Строителей...» Не обошлось и без курьезов. Чудо кустарного автопрома, склепанное из обломков бывших аварий, едва не проскочило мимо теряющих бдительность солдат. Якуты везли какие-то шкурки. Упорно делали вид, будто русского языка не понимают и вообще обитают на соседней планете. На автоматы не реагировали, махали руками и показывали ужимками, что им надо проехать. «Шкурки портятся?» – хихикали служивые, роясь в багаже. Докопались до пожилой якутки, едва не доведя женщину до инфаркта. Молчанию этой представительницы коренной нации позавидовал бы сам Будда. «Долго пытали гестаповцы Зою, – резюмировал Аристов, – но пин-код отважная партизанка унесла с собой в могилу». – «Да она же немая, братцы!» – прозрел кто-то сообразительный. «Да-да, немая, немая», – закивали обретшие дар речи якуты.

Никто из представителей нацменьшинства не видел сбежавших солдат. Надвигались сумерки. Транспорта становилось меньше. Дождь зарядил бесконечной стеной. Ныл Булдыгин в кузове. Аристов потянул меня к обочине и заговорщицки предложил выпить. «По сколько сбрасываемся?» – пошутил я. «Должником будешь». – Он извлек из «непромокашки» увесистую фляжку и нетерпеливо показал: не задерживай... Кашлял кто-то из солдат. Орали сер-

жанты. Кому-то стало плохо – парня волоком потащили в «Урал». «Давление у Димки артериальное, – волнуясь, просвещал приятель. – Как погода зашкалит, так комары на нем начинают взрываться...»

Декаданс полнейший. Вкупе с надвигающейся темнотой совсем тоскливо. Не захочешь, а заматеришься.

– Эй, грузди, полезайте в кузов, – ворчал из недр грузовика Булдыгин. – Хрена там бродить? Не поймают никого сегодня...

Ленька гнезвился на сырой мешковине, неунывающе бурча, что бороться с ленью надо на чем-то мягком и желательно многослойном.

– Ох, и любишь ты себя, Леонид, – растирал отдавленные кости Булдыгин. – И за что, спрашивается?

– Ни за что, Булдыгин, – хохотал Ленька. – Я люблю себя безо всяких на то оснований. Это слепая любовь.

Обустроивались солдатики – кто-то сидя, кто-то под лавкой. К наступлению темноты поиски теряли смысл. Половина подразделения рассосалась по машинам, остальные вставали в оцепление. Лаяли сержанты, распорядясь тянуть навесы между кустами, жечь костры. «А меня волнует, что дрова сырые?! – вопил Капустин. – Бензином полей!.. Эх, солдаты, итить вашу! Делайте что хотите, но чтобы через десять минут эти долбаные костры горели!»

Они действительно горели. Сквозь лохмотья брезента было видно, как мечется зарево пламени по завалам – не жалели горючего. Я уснул в какой-то странной позе – свернутый вчетверо. «Ко всему человек привыкает», – обреченно думал я, проваливаясь в мир так называемого покоя. Только бы Наталья не приснилась...

Она и не приснилась.

Зато пробуждение было смерти подобно. Стужа ломила кости. Болело во всех суставах. Тоска – дремучая... Я вскочил и начал лихорадочно растирать ноги. Начало шестого, брезентовый полог отброшен, серость за бортом, дождя как будто нет, но сыростью пронизан каждый дюйм пространства. «То ли еще будет, о-е-ей...» – бубнила под висками Алла Борисовна.

Кузов дернулся, приходя в движение. Машина протащила несколько метров, встала. В кузове – только свои (остальные давно на службе). Рычали сержанты за бортом, хрустел сырой бурелом.

– Скверно жить после ливня в окопе,
Трудно прятаться, если жара.
Не вчера ли я молодость пропил?
Нет, по-моему, позавчера... —

убитым голосом продекламировал Булдыгин и отпил из Ленькиной фляжки. Затем он начал извлекать из увесистого портфеля составляющие «витаминизированного» завтрака: лук, сыр, помидоры. – Бедный Булдыгин, – бормотал Аристов, украдкой мне подмигивая. – Правда, Мишка, этот лирик плохо смотрится в суровой мужской обстановке? Зато жена у него золотая – вон как парня экипировала. Моей Зинке до этого далеко – она умеет шить, вязать, готовить, а также все это тщательно скрывать.

– Шли бы вы, – огрызнулся Булдыгин.

– Слушай, Викторьч, а портфель-то чего у тебя так раздут? – не отставал Аристов. – Телевизор супруга положила?

Я схватил фляжку и машинально потряс – пустая. Где же условия для сносного существования?

– Мечты забываются, – подтвердил Аристов, – Павел Викторович сделали маленький глоточек.

– Сам и выдул, – возмутился Булдыгин, – болтун хренов...

Происшествий и находок с утра не было. Ночь прошла спокойно, если не считать, что добрая половина роты чихала и кашляла. Чай в термосе безнадежно остыл. Сжевав бутерброд, запив его холодной горькой жижей, я сунул в зубы сигарету и вывалился из машины.

Картинка в корне не менялась. Два «Урала» в одну колонну. Солдаты, словно бомжи по свалке, бродили по канавам и подлеску. Двое на задворках с тепловизорами. Далеко впереди – передовой дозор (рисково там ребятам). Сержант Архипов выбирал достойнейшего для благородной миссии.

– Эй, вы, четверо, а ну встали! Будем считаться: кубик-рубик, шарик-х...ярик... Лопухин! Пулей за сухим пайком!

Покосился настороженно в мою сторону – не подпадают ли его действия под военное преступление? Не подпадают. Не бежать же всем колхозом за какой-то дюжиной мешков с едой.

– Камбаров, ты достал уже всю роту! – грохотал на весь лес его двойник Капустин. – А ну, шире шаг!

– Нога натер, товарищ сержант, – бормотало, хромая, щуплое дитя восточных окраин. – Сапог тютелька в тютельку был, еле-еле натянул...

– Тютелька за ночь выросла, Камбаров? – Этот даже не косился в мою сторону. – Ты кем, уродец, на гражданке был? Пряностями торговал? А ну, марш, боец – сносить тяготы и лишения воинской службы!!!

Все эти парни клялись в присяге сносить тяготы. Воинская повинность называется – и когда провиниться успели?

– Проснулась, прокуратура? – беззлобно приветствовал меня капитан Хомченко, осунувшийся и весь обросший серыми камуфляжными пятнами. – Ну и видок у вас.

– Да и вы не посвежели, – огрызнулся я. – Новостей не прибыло, капитан?

– Работаем, не спим. За сутки пятнадцать километров. Сегодня, думаю, все решится.

– Вы такой оптимист, капитан. Протяженность трассы двести верст. Вы уверены, что дезертиры на этой дороге?

– Их видели на этой дороге. А раз это так, то с дороги им деться некуда.

– Вы полностью исключаете, что они могли углубиться в лес?

– Эх, прокуратура... – комроты посмотрел на меня с жалостью. – Эти парни не охотники. Вы читали их личное дело? Дети асфальта, у одного плоскостопие, у другого гипертония, в тайге отродясь не были, а ведь эти леса – сплошные завалы и торфяные болота. Лично я бы смог уйти метров на тридцать, а дальше требуются специальное оснащение и сноровка, которыми ни я, ни дезертиры не обладают. А если спрячутся под завалом, их возьмет тепловизор – дальность действия не меньше ста метров.

– А вы не думали, почему дезертиры направляются в Чебаркуль?

– Без понятия, – капитан недоуменно повертел головой. – В тех краях цивилизация обрывается решительно. Ее и здесь-то негусто.

– А вдруг не в Чебаркуль?

Он с интересом на меня уставился.

– Любопытная версия. А куда?

– А вы подумайте.

– А я уже думал, – он устало улыбнулся. – Тайга непроходима. Речушки, озера, мелкие якутские поселения. На севере Шалимский кряж, брать его с боем – большая глупость. Я не исключаю, конечно, индивидуальных вариантов... Но чтобы понять, нужно быть дезертирами – я имею в виду, попасть в их шкуру. Вы пробовали попасть в их шкуры, прокурор?

Около полудня вновь зарядил дождь. Чихающее подразделение ковыряло заросли. Стонал Булдыгин, маялся от безделья и щипал старшего товарища Ленька Аристов. День тянулся, как резиновый. Сутки минули с нашего приземления в зоне поисков, когда в устоявшейся картинке наметились подвижки. В голове колонны послышались крики. Выстрелов, слава богу, не было. Я катапультировался из кузова. Натягивая капюшон, побежал на крики. Солдаты остановили покалеченный микроавтобус с полосой. Дежурная бригада электриков возвращалась из Чебаркуля, где ночью на подстанции вследствие попадания молнии приключилась авария – вышли из строя силовые трансформаторы. В десять утра выехали в Марьяновск. Двоих трясло от страха. Третий, сидевший за рулем, нервно улыбался и высасывал кровь из запястья. Стекло в машине было выбито. Со слов шофера выходило, что миль десять назад какие-то вояки пытались их остановить. Двое выбрались из водостока, чумазные, страшные, глаза дикие, автоматы наставили. Давай жестикулировать, что надо развернуть машину и всем «посторонним» ее покинуть. У долговязого, с большими оттопыренными ушами, по лицу текла кровь, второй был измазан с ног до головы – одни глаза сверкали. Шофер сообразил, что в случае остановки будущее их бригады под жирным вопросом, крикнул своим, чтобы падали на пол, и рванул в слякоть. Дезертир отпрыгнул, оба открыли огонь. Прошили кузов, стекло вдребезги, но удалось уйти. На вопрос, когда именно это случилось, работяги сошлись во мнении: минут десять назад. Жарил водила на полную катушку – километров шестьдесят по хлябистой дороге – скорость почти космическая.

– Десять верст! – возбудился Хомченко. – Гурьянов, остаешься с «Уралом», выдвинуться верст на семь и – медленно вперед. Мы не можем гарантировать, что они не бросятся на попятную. Остальные – за мной! Пескарев, заводи! Капустин, командуй! Прокуратура – ты с кем?

– В первых рядах, капитан, – спохватился я. – Айн момент, своим шумну...

А дальше завертелась карусель. Солдаты рассаживались по машинам, создавая бестолковую суету. «Да ну их в баню, – ворчал Булдыгин. – Спыхватились, блин, к сумеркам...» Но то ли по недоумию, то ли по другим причинам он оказался в той машине, которая вырвалась вперед. Возбуждение начальства передалось личному составу. Солдаты клацали затворами, оживлялись. Под сенью дружеских штыков мы чувствовали себя спокойно (оружия у представителей прокуратуры не было), хотя ощущение железа в кармане, конечно, не повредило бы. Пара дюжин солдат, Хомченко, сержант Капустин, наша троица – набились в кузов, как селедки в бочку, теснота, дышать трудно...

– Пескарев! – колотил Хомченко табельной рукояткой по кабине. – Отмеряй пятнадцать верст, там и высадимся! В клещи возьмем этих подонков!

Распоряжался капитан, в принципе, толково. Одно меня смущало – когда мимо беглецов, бредущих по лесу, с ревом промчится грузовик, набитый солдатами (а мы их не заметим, пролетая мимо), только самый тупой не догадается, чем пахнет. Парни, разумеется, побегут назад. А там уж бабушка надвое сказала – либо добровольно сдадутся, либо примут бой по скудости ума.

Но вышло все иначе. Передовой группе снова пришлось разделиться. На двенадцатой версте дороге перегородил... труп.

«Урал» остановился. Бойцы посыпались, как поленья. Хрипел Капустин, отправляя людей в оцепление. Труп принадлежал пожилому якуту в прошитой соболем жилетке. Лежал, раскинув руки, поперек дороги, молитвенно тарашился в небо. В голове пуля. Под затылком – кровавая каша вперемешку с грязью.

– Блин, – ругнулся кто-то из бойцов, – три месяца служат, а ведь не промазали, уроды.

– И одного из этих парней ты хочешь в ненаказанном виде отправить к папочке? – толкнул меня под печень Аристов.

Никто, по-моему, не слышал. А то устроили бы мне «дежурное фи» с видом на вендетту.

– Тихо... – прошипел я. – Кто стрелял, неизвестно. Будем надеяться, что это не Райнов.
– Товарищ капитан, они машину у человека отняли, – сообщил с корявым акцентом плосколицый солдат чукотской наружности. Он сидел на корточках и ладонью плавно водил над землей, словно впитывая от нее невидимые энергопотоки. – Посмотрите, следы протектора. Развернулись и поехали...

– К машине! – взревел сержант Капустин. – Чего стоим, шарами лупаем, солдаты?!

И опять не повезло дезертирам с машиной. Километров шесть – новая остановка. «Нива» в кювете на крутом повороте. Не справились с управлением – грохнулись в водосток, заглохли и не смогли ни вырулить, ни завестись. Темнота напознала неумолимо. И снова рядовой чукотской наружности вкрадчиво кружил вокруг машины, ползал на коленях, нюхал грязь.

– О, дьявол, как там тебя... – ругался комроты, притоптывая от нетерпения. – Короче, парень, ты у нас охотник, давай вещай.

– Атчытагын его зовут, – хохотнул Капустин. – А фамилия вообще не произносится. Да и нет у него никакой фамилии – рядовой Атчытагын, и баста. Но боец растет нормальный.

– Их к христианству приучали в последнюю очередь, – пояснил кто-то из интеллигентных. – Так и не приучили толком. Вроде крестят, а имена какие-то не людские, традиционные – Рыктынгыты всякие, Эвиискивы...

– А у исландцев вообще нет фамилий, – блеснул еще один знаток, – а только имя и отчество. Законом запрещается иметь фамилии. А если выезжают за границу, то отчество становится фамилией.

– А ну замолкли, бойцы! – зарычал сержант. – Ишь, разговорились. Чего ты там возишься, Атчытагын? Вещать будешь?

– Да все понятно, товарищ сержант, – чукотский юноша приподнялся с колен. – Двое их, один хромой на правую ногу. Пытались машину вытолкнуть. Истоптали тут все. Туда пошли, по канаве. – Боец простер ладонь вдоль левого водостока. – Полчаса прошло...

– Полчаса? – возбудился Хомченко. – Ты уверен, солдат?

– Атчытагын зазря не скажет, товарищ капитан, – обиженно сказал рядовой. – Говорю, полчаса – значит, полчаса. Но далеко не прошли, однако, высокий хромает.

– Дадим запас, – задумался комроты. – Максимум три версты они отмахать могли. Вряд ли, но допустим... В общем, слушай сюда, мужики! Шестеро со мной, и ты, Капустин, тоже! Остальные проезжают три версты, рассыпаются цепью – и навстречу. Стрелять в крайнем случае – своих поубиваете. Ефрейтор Шинкаренко, командуйте!

Карусель продолжала вертеться, со скрипом наращивая обороты...

Самое время выходить из игры, отказаться от выполнения задания и хватать попутку до Марьяновска. Плевать на «высокие» распоряжения. Одно дело – спасти доведенного до отчаяния парня, совсем другое – протезировать убийце. Не важно, кто из них нажимал на курок. Убили якута, стреляли в электриков. Но мы работали, очевидно, по инерции. Почему мы оказались в компании Капустина и Хомченко? Из-за Леньки Аристова, который заявил, что надоело ему трясти ливером в кузове, хочется прогуляться, тем более дождь прошел? Охваченный всеобщим возбуждением, я не возражал.

Мы упорно не могли понять, во что ввязываемся. Но кто знал?!

Ушел «Урал», бойцы растянулись, началось движение. Сумерки вступили в заключительную фазу. Мы шли по водостоку за цепочкой солдат. Ленька шепотом травил анекдоты; Будыгин по устоявшейся традиции ворчал о старом, большом организме, о хреновой погоде, чреватой инсультом, о том, что бес его попутал вылезти из кузова – это Ленька во всем виноват, а также Луговой – ничтожная, жалкая личность.

Перемены в ландшафте были налицо. Низкорослая чаща слева от дороги куда-то подевалась, выросли скалы причудливых очертаний. Поначалу отдельные глыбы в компании дере-

вьев, потом растительной массы стало меньше, скалы уплотнялись, возвышались острожными стенами, и вскоре растительность пропала, уступив место бездушному камню.

– Рисуем, товарищ капитан, – подал голос Капустин. – Скалы прочесать бы надо.

– Не надо, товарищ сержант, – опередил комроты смекалистый Атчытагын, чиркающий спичками и совершающий экскурс чутким носом. – Я иду по следу, они не сворачивают...

Наша компания подобралась к дезертирам значительно раньше, чем команда ефрейтора Шинкаренко. Версты не успели пройти. Совсем умотались дезертиры. Тень качнулась под скалой – кто-то пытался взгромоздиться на уступ. Еще одна тень – подсаживала первую. Куда это они собрались? – мелькнула мысль. И сразу же расширилась, обернувшись во всеохватывающую идею: а вдруг, – подумал я, – эти парни УЖЕ ПРИШЛИ?! Не поперлись бы они в Чебаркуль. Не в Чебаркуль им надо!

Попутно я отметил необычную форму скалы, под которой копошились люди. Ее очертания возвышались над прочими. Зубастая вершина – словно расщепленная молнией – на фоне монотонной мути... А потом события накрыли. Подобраться незамеченными к этой сладкой парочке уже не получалось. Стоящий на уступе обнаружил облаву.

– Димон, атас, гансы!!! – расколело сырую тишину.

– Пыряев, Райнов, вы окружены, не вздумайте стрелять! – выкрикнул капитан Хомченко.

Автоматная очередь хлестнула по ушам. Мы скорчились в водостоке. Сдавленно вскрикнул солдат. Отделение вразнобой попадало в грязь. Заматерился Капустин.

– Мужики, вы что, охренели?! – взвизгнул Хомченко. – Бросайте оружие, перебьем же, на хрен!!!

Новая слепящая очередь. Намерения дезертиров окончательно прояснились. Черда вспышек – магазин опустошен. Снова две фигурки копошились на уступе. Пропали. Огненный ливень хлестнул, кромсая камень. Смотрелось это, конечно, впечатляюще, но, боюсь, на уступе уже никого не было.

– Прекратить огонь!

– Командир, Атчытагына подстрелили! – крикнул Капустин.

– Живой? – скрипнул зубами Хомченко.

– А хрен его знает... Вроде живой. Шевелится... Блин, Гаврила же ты, Атчытагын!

– Черт... Эй, вы, двое, кто там ближе – раненого на дороге! Остальные – вперед!

И какая нелегкая вынесла меня из водостока? Сидел бы, не парился. Подтянулся на руках, выбросил ногу, перекатился.

– Мишаня, ты куда? – испуганно вякнул Булдыгин.

– Сиди, Викторыч, – буркнул я. – Не твое это дело – под пулями танцевать.

Краем глаза я отметил, что поднялся Аристов, выкатился из канавы, распластался в грязи.

– Куда, неугомонные? – сдавленно шикнул Булдыгин.

– Что, Булдыгин, страшно одному? – натянуто хихикнул Аристов.

Двое солдат, чертыхаясь, отключив задницы, волокли по земле стонущего бойца.

– Держи, прокуратура... – швырнул мне Капустин бесхозный автомат.

Я поймал, отбив палец. Спасибо за подарочек, как говорится. Зачем он мне? Я схватил приобретение за антабку, как когда-то учили, приподнял ствол, чтобы не заляпать грязью. А остатки отделения уже ломились на прорыв, подгоняемые сержантом. Трое бойцов, Капустин, капитан Хомченко – черные тени, хлюпающие по сырому глинозему – пробежали вдоль стены, сгрудились на уступе. Кто-то выпустил очередь на всякий случай. Но дезертиры уже смотались. Солдат вскарабкался на возвышенность, сел на корточки. Двинулся дальше, согнувшись. За ним второй, третий. Неведомая сила толкнула меня к скале. Что за странная привычка доводить до абсурда любое поручение вышестоящих? Когда я подбежал к уступу, черным монолитом отторгающемся от скалы, на нем уже никого не было. Забросив автомат за плечо, я

схватился за шершавый выступ, оттолкнулся пятками. Взгромоздился на камень, словно на трибуну, протянул руку возбужденно пыхтящему Аристову.

– Адреналинчик, Мишка? – шутил Ленька, вползая на верхотуру. – О, кто это на пятки наступает? Павел Викторович, ты созрел для настоящей мужской работы? Или страшно одному?

Впоследствии мне открылось сногшибательное знание: на ту тропу, тянущуюся вдоль скалы, попасть можно было единственным способом – его подсказали дезертиры. Они прекрасно знали, куда идти, и целенаправленно двигались в нужном направлении. Ориентир – высокая скала, расщепленная надвое! За выступом – обширное углубление, щель в махине, и узкая тропа, тянущаяся вплотную к монолиту. Впереди кряхтели солдаты, а я вспомнил про допотопный советский фонарик в рюкзаке. Пока копался, прошло время. Тропа виляла, повторяя контур скалы, под ногами скрипела крошка – то ли сланец, то ли известняк. Стена неровная, с острыми элементами. Десять метров вдоль дороги, а потом она куда-то пропала, стены обступили, черно-бурые, в лишаях и трещинах, с острым каменным запахом (оказывается, есть такой). А потом пространство разомкнулось, открылся проход между мощными глыбами. Где-то впереди сопели солдаты, покрякивал сержант – вперед, бойцы, и не стонать, последний рывок, уйдут же, гады...

Увлечшись бегом, мы могли проскочить широкий отворот влево, что сыграло бы на руку дезертирам. Но последние оказались глупее фазанов. И страх быть пойманными их просто уничтожал. Дробные очереди из двух автоматов – в ушах стало тесно! Я бежал с фонарем и прекрасно все видел. Стреляли слева, настолько плотно, что у бегущих шансов просто не было. Солдат споткнулся, закричав, рухнул второй, задергался, словно кукла-марионетка, пробитый сразу десятком пуль. Сержант, натасканный в учебке, выставил перед грудью автомат, словно хватался за турник, соорудил кувырок и вроде бы невредимый оказался на той стороне прохода. Рухнул на корточки у самого края.

– Капитан, у меня граната...

– Бросай! – Кому какое дело, откуда у сержанта граната? Потом разберемся. Изящный бросок – и кусочек металла по навесной полетел за угол. Мы сели на корточки, зажали уши. Ленька помалкивал. Булдыгин ворчал, что он невыносимо стар для всего этого дерьма...

Двоих солдат в этот вечер Родина не досчиталась. Снова взвоют на Руси матери, помчится «неотложка», зарыдают девчата... Нашпигованные свинцом, они лежали в проходе и смотрели на сырые стены большими детскими глазами. Чертыхнулся капитан, перешагивая через трупы. Промчался к месту взрыва сержант. Охнул, падая перед приятелем последний уцелевший солдатик...

– Ну и дерьмо, – совершенно в точку прокомментировал Аристов, подбирая автомат. Сел на корточки, опустошая подсумки, сунул мне в «подол» запасные рожки. – Держи, прокурор. Будем воевать – чует мое слабое сердце, скоро, кроме нас, некому будет.

– А типун на язык не хочешь?! – взревел Хомченко.

Ждать подхода подкрепления, очевидно, смысла не было. Да и где его искать? Пока выберешься на дорогу, пока дождешься. Держа автоматы на изготовку, уцелевшие подобрались к тому месту, где разорвалась граната.

– Опять ушли, черти, – зло сплюнул Капустин.

Местечко перед нами открывалось в высшей степени любопытное. Нехарактерное какое-то для данной местности. В минувшие столетия здесь трудились карстовые воды. Скалы за спиной теснились полукругом. А впереди – пещеристые надолбы, словно застывшее штормовое море, испещренное разломами и впадинами. Как долго тянется это безобразие, и можно ли через него пройти, убедительно подсказал бы дневной свет. А в свете маломощных фонарей

мелькали лишь фрагменты пористых глыб и покатая чаша под ногами со смещенным днищем, в котором различалась наклонная трещина в окружении груды валунов.

Днище чаши было усеяно стреляными гильзами от «калашников».

Мы стояли на краю чаши, не замечая морозящего дождя, и сосредоточенно чесали затылки. Маломерка-солдатик спустился на полшага и поглядывал на нас в нетерпении.

– Торопись погигнуть, рядовой Балабанюк? – каркнул Капустин.

– Уйдут же, товарищи командиры, – всхлипнул солдатик. – Они Петруху Осипова убили... И Витьку Шубина... Замочу, гадов...

– Отставить, солдат, – пробормотал Хомченко. – Нарвемся на засаду, всех, ур-роды, положат. Второй гранаты нет, Капустин?

– У меня и первой-то не было, – огрызнулся сержант. – Вы же не видели, товарищ капитан? И вы, товарищи военные прокуроры?

– Я не видел, – вздохнул Аристов.

– Позвольте смелое предположение, господа офицеры и военнослужащие срочной службы, – пробормотал я. – Дезертиры неспроста сюда явились. Под нами – вход в пещеру. Куда она тянется – вопрос сложный. Но беглецы целенаправленно шли по дороге, чтобы в нужном месте свернуть и забраться в щель. Ориентир – не боюсь ошибиться – высокая разломанная скала.

– Потом будем думать, – отмахнулся Хомченко, – в спелеологи мы еще не записывались... Ямка-то, судя по всему, немаленькая.

– Глубочайший в мире карстовый провал – пещера Пьер Сен-Мартен во Франции, – глухо отчитался Булдыгин. – Полтора километра в глубь земли. Эти штуки коварные и непредсказуемые. Бывает, целые дома в городах проваливаются в карстовые полости...

– Да ладно вам жуть нагонять, – поморщился сержант и неожиданно для всех спрыгнул в чашу, отпихнув солдатика. Подкрался к щели, клацнул затвором и выпустил в черноту короткую очередь...

Спускались в гнетущем молчании – действительно довольно долго. Узкая извилистая трещина под углом в сорок градусов была усеяна крошевом, огрызками камней. Мультфильм снимать впору – «Штрек». Спина сержанта качалась перед глазами. Кто-то оступился, упал – клял сдавленным шепотом эти «пещеристые тела». Я тоже не устоял, поскользнулся и чуть не сбил Капустина. Успел воткнуть пятку в настенную неровность. Отвалился целый пласт, хрустнул позвоночник, впечатления просто одуреть. Ленка перестал прикалываться, Булдыгин не ворчал. Только пятки шоркали да камни периодически катились по тропе...

Это были настоящие пещеры, отработанные подземными водами в известняках. Мы спустились в глубокую полость, обросшую застывшими подтеками величиной с добрую колонну, откуда уровнем ниже попали в низкую камеру, уводящую в черноту. Капустин сделал знак, шепотом предупредил, чтобы заткнули уши, и ударил веером. Реакции не последовало. Тогда он лег плашмя и сунулся за угол. Пробороздил лучом сырые стены, сделав экспертное заключение:

– Чисто.

– Минуточку, сержант, – предупредил я. – Учти, у дезертиров должны быть фонари. Знали, куда шли. Они не кошки.

– Уже сообразил, товарищ прокурор, – хмыкнул сержант. – Передвигаться они будут только с фонарями, а вот сидеть в засаде можно и без.

Но беглецы, похоже, ушли. Посоветовав сержанту поменьше упражняться в стрельбе, капитан Хомченко перехватил бразды правления и выдвинулся в голову колонны. Двигались гуськом, втянув головы в плечи.

Протяженная галерея, стены скользкие, сырые, в причудливых наплывах, гулкая капель в укромных уголках. Отворотов пока не было – сумрачный грот тянулся извилистой змеей, то сужаясь, то расширяясь, и, судя по не слишком приятным ощущениям, неуклонно забирал вниз.

– Смотрите... – возбужденно прошипел Хомченко, – следы...

Находку тщательным образом изучили, придя к выводу, что это отпечатки солдатских сапог. И, что отрадно, потерять их практически невозможно – пол усеян сланцевой крошкой, на которой все следы отпечатываются, как на фотопленке. Дальше пошло веселее. В наличии имелись три фонаря – один отправился к замыкающему, другой остался у сержанта, третьим вооружился капитан, переквалифицировавшийся в следопыта.

Подземный мир обретал зловещие очертания. Усилилась капель, на отдельных участках текло прямо на голову. Галерея сделалась анфиладой – вереницей суженных отсеков, пробиваться через которые зачастую приходилось боком, задыхаясь от приступов клаустрофобии. Но вскоре проход расширился, дышать стало легче. И в первой же просторной пещере мы чуть не ухнули в подземное озеро! Балабанюк оступился, испуганно ойкнул. Аристов схватил за шкворник бойца, я схватил Аристову, Булдыгин что-то буркнул, и все обошлось.

– Умница, – похвалил Аристов Булдыгина, – умеешь сказать под руку.

– Гаврила, блин, – ругался сержант в адрес рядового, освещая внушительных размеров воронку, наполненную зеленой водой.

– Н-ничего, – заикаясь, бормотал солдатик, выбираясь из столбняка, – я п-плавать умею. Спасибо, т-товарищ... не знаю вашего звания...

– Он тоже плюс-минус капитан, – подсказал я.

– Плюс-минус старший лейтенант, – приветливо поправил Аристов. – А товарищу капитану я сам спасибо скажу. Когда вернемся.

Мы двигались дальше, погружаясь в хитросплетения лабиринтов и переходов. Обратная дорога пока откладывалась в памяти, да и по следам ее несложно было восстановить. А на случай севших батареек в рюкзаке имелась запасная пара. Поэтому, когда следы дезертиров принялись петлять по запутанным коридорам, зачастую дважды проходя по одним и тем же местам, мы не стали паниковать.

– Странно девки пляшут, – бормотал «следопыт» Хомченко, утомленный согбенной позой. – То ли эти мерзавцы нас со следа сбивают, то ли крыша у парней капитально едет.

– Есть и третья версия, капитан, – сказал я. – Они что-то ищут, не могут найти, вот и кружат восьмерками.

– Что они тут могут искать? – фыркнул ротный. – Клад? Затерянный подземный город?

– Скоро узнаем, капитан.

Мы погружались под землю. Запутанные лабиринты сменялись удушливыми каменными мешками, широкими галереями с глубокими полостями по принципу «коридорной системы». С потолка свисали сталактиты, пышные оборки и занавеси из застывших минеральных образований. Склепы, котлованы, канавы, щели, борозды... Время уже не воспринималось.

– Стоп, – сказал сержант, и все мгновенно присели. – Шапка.

– Чего шапка? – не понял Хомченко.

– На полу шапка. Подходите, товарищи офицеры, не бойтесь, не укусит.

На полу лежала солдатская кепка с опущенными наушниками. Изнаночная часть пропитана кровью. Свежей. Острый выступ в арочном проходе, о который невнимательный солдат треснулся головой, располагался низко – вряд ли в этом событии было что-то неординарное.

– Подумаешь, башкой треснулся, – сделал аналогичный вывод сержант, внимательно осмотрев пещеру и заняв позицию у проема. – Я не понимаю только, господа офицеры, почему он не поднял ее.

– Сознание померкло, – пошутил Аристов.

– Или что-то еще. Ну-ка, тихо...

Мы прислушались. К шуму стекающей с потолков воды примешивался посторонний звук. Отдаленный рокот. Словно зверь, притаившийся в глубине лабиринта, почувствовал приближение людей и выражал по этому поводу сдержанное неодобрение.

– Мамочка... – сжался в ежика Балабанюк.

– Да нет, господа-товарищи, все нормально, – успокоил Капустин. – Речка. У нас на Урале имеется знаменитая гипсовая Кунгурская пещера – шесть камэ длиной, по ней тоже речка бежит, я в детстве с пацанами по ней лазил. Свалиться, правда, в такую речку удовольствие небольшое – быстрая, зараза, унесет неведомо куда...

А не идут ли дезертиры к реке? – мелькнула интересная мысль. В тех местах, где земная кора сложена из карстовых пород, многие реки, ручьи, озера без «предупреждения» проваливаются под землю. И ничто им не мешает внезапно выныривать в неожиданных местах...

Мы прошли еще несколько отсеков. Шум реки нарастал. Отчетливо слышался плеск, бурлила масса воды.

– В экую же глухомань нас занесло, – зачарованно бормотал Ленька. – Расскажешь кому-нибудь – не поверят. Скажут, заливаешь, как всегда...

– Позвольте вопрос, господа прокуроры, – подал голос Хомченко. – Может, все-таки расскажете, чем вызван интерес прокуратуры к сбежавшим солдатам? Вы, помнится, радели за неприкосновенное к ним отношение?

Булдыгин с Аристовым благоразумно помалкивали. Отдувайся, как заведено, Михаил Андреевич...

– Был приказ штаба округа, – неохотно признался я, – вызванный телеграммой из Администрации Президента Российской Федерации. Папа Райнова круто пошел в гору...

Все непосвященные мгновенно догадались.

– Вот собака, – завистливо пробормотал Балабанюк. – Он тут людей убивает, а мы его должны за это облобызать и к папочке отправить, который пальцем щелкнет, и сыночка комиссуют.

– Дерьмо вонючее... – философски заметил Хомченко. – Кто сказал «Россия – это мы»? Россия – это нас... Кому мы служим, господа?

Но самое неизгладимое впечатление мои слова произвели на сержанта. Он замер, словно натолкнулся на невидимую преграду, покрутил головой, как бы разминая шею, скрипнул челюстью.

– Продолжайте движение, сержант, – вздохнул я. – Ума не приложу, как буду выпутываться, но считаю, что преступники должны понести заслуженное наказание. Даю слово, что ни о каком возвращении под крыло папика речь уже не идет.

Сержант расслабился, словно гору с плеч скинул.

– А вы нормальный парень, прокурор, – хмыкнул Хомченко. – Но о каком заслуженном наказании идет речь, объясните? Ну, выкурим мы этих поганцев из пещер, доставим на гауптвахту, а дальше что? До трибунала не дойдет – завтра же слетится стая из Читы, вину за убийства и побег возложат на Пыряева, а Райнова увезут, мы и глазом не моргнем.

– Не на губу его надо, – сказал Булдыгин, – а в милицейский СИЗО. А еще лучше к нам – в подвал районной прокуратуры. Там как раз один майор уже чалится, вместе им будет весело сидеть.

– Да нет, – вздохнул я, – ротный прав. Оглянуться не успеем, а дезертира след простыл. А из далекой Москвы уже не выпишешь – это то же самое, что экстрадировать преступника, скажем, из Гвинеи. Задача решается элементарно, господа офицеры. Эти твари будут оказывать ожесточенное сопротивление, а мы его упорно подавлять...

Публика безмолвствовала, зачарованная дерзостью ответственного прокурорского работника. А почему бы не сменить профессию? – внезапно подумал я. Семейная жизнь пре-

терпевает изменения, почему бы и в работе не произвести нечто этакое? Можно дровосеком, например, устроиться в леспромхоз...

Мы продвинулись еще на сотню шагов. Шум реки становился явственнее, интенсивнее, уже стучал по ушам, навевая неприятные ощущения. Образовалась галерея, сформированная из огромных известковых столбов, за которыми в продавленном русле протекала речка. Уже мелькала бурлящая масса воды, когда за поворотом что-то стукнуло, и появилась человеческая фигура!..

Он явно не рассчитывал встретиться с облавой. Блеснуло лицо, изрытое веснушками, уши торчком, голова в крови. Одежда – сплошь месиво. Физиономия мгновенно исказилась. Автомат прочертил дугу, уткнувшись прикладом в живот. Сержант, ведущий колонну, успел сориентироваться.

– Ложись!!!

– Кирюха, атас!!! – забилося под сводами.

Ад крошечный разверзся в подземелье. Стреляли со всех сторон. Кто стрелял, уже непонятно. Видимо, сержант успел откатиться. Закричал подстреленный Хомченко. Погасли фонари в голове колонны. Остался тот, что в арьергарде, у Булдыгина, но сам Булдыгин куда-то отвалил, а фонарь огрел меня по затылку. Я схватил его и откатился в сторону. В спертном пространстве бушевало что-то невероятное. Хорошо, что рюкзак остался за спиной. Я стянул с плеча автомат, оттянул затвор. Давно не занимался этими глупостями. Нащупал скользкую стену, подтянулся, разодрал направленным лучом слипшуюся темень...

Сержант с колена самозабвенно строчил между колоннами (если не ошибаюсь, там была река). Хомченко, раненный в плечо, скреб конечностями, пытался приподняться. У соседней стены сучил ногами Балабанюк, посылая в темноту рваные очереди.

Постепенно до стрелков дошло, что ответный огонь уже не ведется. Пальба оборвалась. Кто-то истошно вопил:

– Давай, Кирюха, чего ты ссышь?!

– Уйдут же! – вскинулся Капустин. – Балабанюк, за мной! Кто там с фонарем – посвети!

Рванули за угол. Тени плясали перед глазами. Балабанюк сменил магазин, отбросив ненужный – он запрыгал по каменному полу. Кто-то уперся в плечо, возбужденно дыша – Ленька Аристов! Мизансцена в круге света – узкий пяточок между столбами. Обрыв, беснуется река. Двое с дикими глазами пятились к обрыву. Портретное сходство с искомыми персонажами, кажется, имелось. Двое бросились вперед – свои, Балабанюк и сержант Капустин. Истошный визг разорвал барабанные перепонки:

– А-а-а-аааа!!! – в исполнении рядового, и наши первыми открыли огонь! Подземелье взорвалось, как глазунья в микроволновке.

– Кирюха, прыгай!!! – Ушастый, выпучив глаза, опустошил рожок в голую стену (нет дураков на тот свет), и даже набитый свинцом продолжал давить на курок. Оторвались пятки от обрыва, он исчез в водовороте. Начиналось самое страшное. За спиной что-то трещало, ломалось. Кусок слоеной стены, разбитый свинцом, обрушился, распался на части. Разгневали мы, видно, духов подземелья. Успели отпрянуть, но это уже не спасало. Кусок стены оказался кирпичиком, после удаления которого дестабилизировалась ВСЯ стена. Обвал огромной разрушительной силы нас накрыл! В спину ударила плоская плита, я поехал вместе с ней, перебирая ногами. Кричали слева, справа, фонарь улетел, и безумный элемент стихии, выведенный из хрупкого равновесия, смысл всех участников драмы, живых и мертвых, в реку!

Сработал навык, обретенный в армии – выживай, но думай о будущем. Я нырнул солдатиком, ушел на глубину, но автомат не потерял, ремень обвил шею. Четырехкилограммовый «калашников» взгромоздился поверх рюкзака, периодически колотил меня по затылку. Под

водой было не так бурно. Но сразу отнесло к стене, я ударился плечом, оттолкнулся пяткой от скользкого выступа, отметился на поверхности, чтобы хлебнуть воздуха, и снова ушел на глубину. От нового удара меня завертело, как прялку. Воздуха не хватало, я вновь оказался на поверхности, активно заработал руками. Меня несло потоком в кромешной темноте, неизвестно куда, я задыхался, боролся с судорогами. Извилистых поворотов, слава богу, в русле не было – река текла прямо, пробивая, как копье, скальную породу. Добывать воздух становилось труднее, я слабел и, вполне вероятно, покинул бы этот мир намного раньше, чем планировал, не вырвись река на поверхность!

Сначала меня подняло, как лыжника на трамплине, автомат ударил по загривку, сознание померкло, я камнем ушел на дно, но успел отметить перед погружением тучу над головой! Факт достаточно интересный, чтобы попробовать выжить. Я энергично задвигал руками, вынырнул. Кончилось подземелье! Обрывались склоны, хвойный лес сползал по обрыву, туча клубилась в непосредственной близости. Чья-то головешка мелькала впереди – то выныривала из потока, то погружалась в пучину. А может, коряга. Меня несло, оценить обстановку не было возможности. Слишком поздно я обнаружил, что плыву не по стремнине, меня сносит к скоплению валунов у левого берега, а сама река меняет направление и круто уносится вправо! Я отчаянно замолотил руками, стараясь избежать столкновения с камнями, но камни приближались, я что-то проорал (уж явно не «банзай»), сжался, набрал зачем-то воздуха...

Удар был сильным. Таяли кристаллики калейдоскопа, ремень крутился вокруг шеи, сдавливая горло. Меня перевернуло, и только рюкзак за спиной спас затылок от полного разрушения.

Отсутствовал я, похоже, долго. Сознание периодически напоминало о себе. Я скатился с камня, на котором подвергался водным процедурам, заполз на склон. Глина скрипела на зубах. Я стянул с себя промокший рюкзак, оружие, куда-то пополз. Потом поднялся, побрел к сползающему на склон ельнику. Мокрая одежда вставала колом, холод тряс, глаза слипались. Я добрался до ближайшей елочки, вывалил из рюкзака содержимое, отыскал нож, начал лихорадочно срезать лапы. Видно, страх подхватить пневмонию был сильнее усталости. Я работал, стиснув зубы, нарезал целую гору. Стянул с себя одежду, развесил на ободранной елочке. Забрался в хвою, нагреб на себя лапник, скорчился, уснул под грохот реки, рвущейся из подземелья...

А утром, проснувшись от собственного кашля, долго не мог вспомнить, где же был я вчера. Прихлопнул кровососа, впившегося в щеку, выбрался из-под еловых веток и начал с изумлением озираться.

Местечко впечатляло величиим и нетронутостью. Крутые террасы, испещренные пятнами красной глины, группами молодых елочек, сползали в быструю речку. Плотные облака без просвета, россыпи валунов на подходе к излучине, подушки кочек, провалы лощин, очаги сочно-зеленого кустарника. Ни одной живой души, за исключением остроклювого чижики, который бухнулся на ветку, склонил головку и уставился на меня смысленным глазом...

Дождя прошедшей ночью не было. Одежда высохла и топорщилась. Я обстучал с нее комья грязи, облачился – это было своевременно ввиду обилия гнуса. Ботинки просушить не удалось, но в целом товарный вид они сохранили.

Приведя себя в порядок, я проверил автомат (затвор срабатывал, но в ствольной коробке подозрительно хлюпало), просушил боезапас, подивился качеству «командирских» часов, которые шли и показывали начало шестого. Устроился на сухом пригорке, сгреб вываленные из рюкзака вещи и стал сортировать их на кучки – годные, испорченные и продукты.

Я сидел на кочке, поедая ставший однородной массой бутерброд с рыбой, и тоскливо созерцал речные берега, когда в кадре появился Булдыгин.

Он брел, пошатываясь, по волнистой касательной к берегу. За ночь Павел Викторович сильно постарел, сморщился, потерял портфель с «домашними заготовками» и стал похож на инвалида, страдающего амнезией.

– Павел Викторович, – окликнул я, – не проходите, пожалуйста, мимо.

Он остановился, поднял голову. Наморщил лоб, украшенный багровой припухлостью. Подумал минутку, стоит ли Магомету идти к горе в таком состоянии, все же решился и, отдуваясь, полез на склон.

– Будешь? – протянул я ему растекшийся по руке продукт.

– Что это? – не понял Булдыгин.

– Бутерброд. С рыбой. Ты анчоусы когда-нибудь ел?

– Ел, – пожал плечами Булдыгин. – Трава как трава.

Он еще раз подумал, после чего кивнул.

– Буду. – Отскреб с моей ладони жидкую кашницу, похожую на прикорм для подлещика, устроился на соседний бугорок и принялся чавкать. Я дождался, пока он оближет пальцы.

– У тебя что-то с лицом?

Он махнул рукой.

– Пострадало. Запить есть?

– Под нами.

Он угрюмо посмотрел на протекающую под ногами речку, вздохнул, развернулся задом к воде и стал спускаться. Я с жалостью смотрел, как он мостится на окатыше, тянет руки, жадно пьет из ладошек (неужели раньше не догадался?), с одышкой ползет обратно. Просушить одежду Булдыгин, конечно, не догадался, был мокр и жалок. Я высыпал на ладонь горсть таблеток – он слизнул не глядя, поблагодарил кивком.

– Ты один?

– Один, – кивнул я. – Зрение нормальное?

– Только не подкальвай, – поморщился Булдыгин, – башка сегодня неродная. Представь, Мишка, со всего разгона – об скалюку – ух... Повезло, что у берега дело было – зацепился за что-то, выполз, сознание потерял. Хорошо, что сейчас лето, а не зима, да? В одночасье бы дуба дали. Слушай, а где народ? – вспомнил он очень кстати.

– Не знаю, Павел Викторович. Аристов рядом был, когда стена обвалилась. Хомченко ранили – боюсь представить, что с ним произошло. Капустин и Балабанюк огонь вели, к реке выбежали – Пыряева завалили. Райнов еще до обвала в реку нырнул...

– Да хрен с ними, с дезертирами, – поморщился Булдыгин, – своих жалко.

– Пойдем искать, – вздохнул я. – Посидим еще немного и пойдем, должен быть кто-то живой в этой пасторали. Еще вопросы есть, Павел Викторович?

– Масса, – кивнул Булдыгин. – Как к депутату, который ни хрена не делает. Какое сегодня число, Мишка?

– Целое, положительное, – улыбнулся я. – Первое. Август, вершина лета. Хорошо, что ты спросил, Павел Викторович, – самый важный вопрос на повестке дня. Можешь также спросить, где мы находимся, – я тебе подробно и обстоятельно отвечу. А состояние российской экономики тебя не беспокоит?

– Это не русское раздолье... – бормотал, не слушая меня, Булдыгин, – это не родина моя... – Он словно пробудился, зачарованно вертел головой. – Тебе не кажется, Мишка, что это странное местечко?

– Конечно, странное, – поддакнул я. – Ни дорог, ни людей, ни жены с глазуньей.

– Да иди ты в баню, – огрызнулся коллега. – У тебя совсем плохо с интуицией?

С интуицией до текущего дня все было нормально. Неприятности я чувствовал кожей, что нисколько не мешало в них впутываться. А то, что местечко уникально, я понял давно. Это трудно объяснить. Вроде бы и воздух тот же, и растительность не марсианская, и река,

вытекающая из недр, – чего только в природе не бывает. Но больно уж не характерно все это, вместе взятое, для данной местности. Словно не земля, а параллельный мир. А «вратами» послужили пещеры, по которым убежали дезертиры.

Что это было? Урочище, запертое от мира – с собственным рельефом, флорой, микроклиматом? Я никогда не слышал про пещеры в окрестностях Марьяновска, про какие-то складки местности, про крупные реки (одна лишь Кучумовка, и в той воды – кот наплакал). В наших краях лишь низкорослая сибирская «сельва» на многие версты во все части света...

Впрочем, почему бы нет? Авиация севернее Марьяновска не работает, населенными пунктами территория не богата.

– Пошли, – пихнул я коллегу. – Доберемся до истока, осмотримся, а там уж решим, стоит ли ждать чудьего веления...

Путешествовать с Булдыгиным по пересеченной местности было сущим наслаждением. Мы карабкались по уступам, проваливаясь в рыхлую глину, цеплялись за корни, оплетающие прибрежную зону. «Предчувствием неясным томимы» – определил Булдыгин наше состояние. Он ворчал без остановки – о сложностях рельефа, о неверном выборе профессии, о том, что мы попали в сказку, но больно страшенькую, что у него такое состояние, будто гипофиз уже отстрелили, а мозжечок подвергли глубокой заморозке, то есть плющит со страшной силой. Естественно, он оступись, нога поплыла с обрыва. Пришлось вытаскивать коллегу из пропасти, выслушивая по ходу новые брюзжания – что, падая в пропасть, трудно остановиться, что он такой неповоротливый, что я должен быть бдительным, поскольку любое неосторожное движение – и я снова одинок; что у него сопли, слабость, запущенная мания ничтожества, и не желаю ли я недорого приобрести качественную язву?

Распрямив спины, мы обнаружили в заводи труп.

Человек, одетый в плащ-палатку и солдатское обмундирование, покачивался в воде, зарывшись головой в ил. Руки были вывернуты за спиной, нога застряла в камнях.

– Господи помилуй, – пробормотал Булдыгин, – только не это.

– Стой, не шевелись. Сам посмотрю.

Тело принадлежало дезертиру Пыряеву, о чем я сообщил Булдыгину, и тот пафосно перекрестился. Переворачивать тело не пришлось, я только прикоснулся к плечу – из ила выплыла голова с оттопыренными ушами.

– Спускайся, – махнул я, – не дело оставлять его в воде.

Совместными усилиями мы вытащили парня на камни. Закрыли глаза, прикрыли ветками.

– Я жутко рад, что это Пыряев, – простодушно сказал Булдыгин.

– Знаешь, я тоже рад, – признался я. – Но спешу напомнить, что все мы божи твари. Держу пари, это был нормальный парень без порочных наклонностей. И матери Пыряева ты вряд ли объяснишь, что на пару с дружкой они убили и ранили нескольких солдат и подстрелили целого командира роты. До какого же состояния нужно довести мальчишку, чтобы он начал убивать направо и налево?

– Объясни мне лучше другое, коллега. Судя по всему, парни знали, куда шли. Они не знали конкретной дороги, но направление худо-бедно представляли. Не хочу показаться оригинальным, но это РЕЧКА. Которая под нами. И попасть они собирались именно туда, куда попали МЫ. Возможно, тем же путем – элементарным «сплавом». Только без стрельбы. Плавать парни умели – наверняка.

– А объяснить-то тебе чего? – не понял я.

– А объясни мне вот что. Не думаешь ли ты, что мы находимся в замкнутом урочище, куда очень трудно попасть? И выйти тоже непросто. Не думаешь ли ты, что, дойдя до места

выхода реки на поверхность, мы успешно подотремся? Сделаем попытку выбраться в привычный мир и подотремся еще раз?

Я вздрогнул. Мысли ворчуна были калькой моих. Трудно представить обширный участок местности, в который трудно попасть, еще труднее выпасть, но, по крайней мере, я о таких слышал.

– Смотри... – Он схватил меня за рукав.

У старого провидца было неплохое зрение. Я проследил за его встревоженным взглядом и почувствовал холодок в шее. Сизая мгла царила в соснах на дальнем берегу. Рассвет еще не разогнал ночную дымку. И в этой дымке что-то шевельнулось. Неясная фигура переметнулась от сосны к густому кустарнику. Вздрогнули ветки, словно птица вспорхнула. И сразу все замерло. Мы затаили дыхание.

– Что за чушь? – пробормотал Булдыгин. – Меня не глючит, Мишка, нет?

– Тебя не глючит, Павел Викторович. – Я на всякий случай сместил большой палец по ремню, сжал антабку. Скинуть ремень, патрон уже в стволе, предохранитель на две позиции вниз...

Но сколько мы ни всматривались в стелющуюся по террасам дымку, больше ничего не видели. Но в кустах кто-то определенно был. Или что-то...

– А дело, видите ли, в том, – как-то вычурно озвучил мою мысль Булдыгин, – что нам ничего не известно о судьбе рядового Райнова, пращур которого с нетерпением ожидает малыша в родных пенатах...

– Это не Райнов. – Я оторвал пятку от липкой глины. – Рядовой Райнов отслужил три месяца, он не настолько проворен, чтобы изображать тут призрака.

И не стал бы он за нами шпионить. Давно бы убежал.

Мы отправились дальше. Поднялись на пару уступов и вошли под сень деревьев. Впадина, по дну которой протекала речка, становилась глубже, монументальнее, берега обретали опасную крутизну. Сухие лишайниковые сосняки и молодые ельники чередовались нескучными пейзажами крушинового подлеска. Узорная листва, черные, красные плоды. Величие хвойной панорамы на противоположном берегу...

Булдыгин чернел от страха. Дрожал, как осиновый лист, мне даже жалко его стало.

– Могу тебя развеселить, Павел Викторович, – сказал я. – Вижу Аристова!

Третий коллега был жив и пытался улыбаться. Настроение подскочило рекордно. Улюлюкая от радости, мы съехали по склону. Ленька засмеялся. Видок у него был, конечно, не для приема у губернатора. Ни вещей, ни автомата, мокрый, как половая тряпка, бледный, лицо в укусах. До нашего появления он пытался выбраться на склон, запутался в корнях, съехал, обрушив на себя полтонны глины, и теперь пребывал в раздумьях на четырех конечностях.

– Хоть кто-то руку подаст... – простучал зубами Ленька, протягивая сразу обе руки. – Боже мой, Викторыч, какой злодей тебе в лоб зафиздячил?

Мы втащили его на обрыв.

– На себя посмотри, – проворчал Булдыгин, – хуже смерти.

– Болею, – объяснил Ленька, справляясь с судорогой и отдирая от спины прилипшую одежду. – Ох, мрак, коллеги... Ночевка в мокром виде во сырой земле – это, знаете ли, жуть...

Леньку постигла та же участь, что и меня с Булдыгиным. Разница лишь в том, что Булдыгин устроил самый длинный заплыв, а Леньку выбросило на берег практически сразу. Автомат и сумку он благополучно посеял, обузы не было, и едва его вынесло из подземелья, он стал энергично грести к берегу. Правда, высадка прошла неудачно – очнулся незадолго до нашего прибытия. Соображать еще не начал.

– Пойдешь с нами? – спросил я. – Или останешься?

– Пойду, – заволновался Ленька. – А где мы?

– А ты у Булдыгина спроси, он знает.

Сверху посыпалась земля, я вскинул автомат... и отпустил. Бренча амуницией, на нас летел сияющий верзила Капустин – собранный, сухой, в развевающейся накидке. В отличие от наших прокуроров, в ходе ночных пертурбаций этот парень потерял только кепку, отсутствие коей, впрочем, с лихвой заменяла накидка. Просушился, отдохнул. Он прыгнул на уступ, повертел головой – нет ли еще кого? – и просипел не по уставу:

– Здрасьте, господа прокуроры.

– Здравия желаем, товарищ сержант, – заулыбался Аристов. – Разрешите выслушать доклад?

– Да муть сплошная, – махнул рукой сержант. – Много я чудес повидал за полтора года, но такого жареного свинства... Кстати, кто из вас вчера меня за ноги хватал? Я же вам не буксир? Чуть на дно не утянули.

Мы переглянулись и дружно пожали плечами.

– Это Балабанюк, точно, – вынес вердикт сержант. – «Я умею плавать, я умею плавать...» Не умеет ни хрена, зеленый еще. Кстати, господа прокуроры, кто-нибудь из вас видел Балабанюка?

– Мы видели труп Пыряева, – сказал я. – Ни Райнова, ни Балабанюка, ни капитана Хомченко. Мы и тебя не чаяли увидеть.

– Кислое дело, – помрачнел сержант. – Да ладно с ними, дезертирами, мужиков жалко. Из Сашки Балабанюка солдат бы справный вышел – помните, как воевал он вчера? Это ведь он, а не я, Пыряева завалил, представляете? И ротный был мужик хороший. Его ведь ранили вчера?

– В руку зацепило, – кивнул я. – Или в плечо. Давайте честно признаемся – не было у капитана шансов. Там и с двумя-то руками постараться надо было.

Помолчав, мы тронулись в путь. Хвойники уплотнились, сползая к берегам, заслоняли воду. Расступились деревья, возник рельефный монолит. Центральную часть композиции составляла огромная скала, напоминающая морду спящей собаки. На макушке куцыми клочками пробивалась растительность, «глазные впадины» обросли лишайниками, «нос» горделиво выдавался вперед. А из места врастания монолита в скальный грунт широким потоком вырывалась река – причем с такой энергией, что мысль о проникновении в тоннель можно было даже не обсуждать. Равно как и мысль попробовать подняться на эту гору. Или обойти ее, поскольку скалы возвышались повсюду, неприступные, без зазоров и трещин. Для покорения их требовались альпинистское снаряжение и полные сил организмы.

Мы угрюмо смотрели на эту красоту и, кажется, начинали понимать, что привычный порядок вещей безвозвратно нарушен. Булдыгин перестал кашлять, то краснел, то зеленел. Вспомнил про фонтан Де Воклюз – мощнейший из подземных источников, где вода выходит из подземной реки со скоростью девяносто литров в секунду. Я напомнил ему, что слово «литр» звучит сегодня издевательски. Ленька рассказал, как на Среднем Урале открыли уникальное природное явление – ручей, текущий в гору, и туда уже выстроилась целая очередь любителей сенсации, хотя и непонятно, с чего он вдруг заговорил про ручей, текущий в гору.

– Все равно красиво, – пожал плечами Ленька.

– Ну и залеп-он... – покрутил угловатой башкой сержант. – Эта красота, извиняйте, прокурор, нам что богу свечка, что черту кочерга. Действия-то какие предпримем?

Я спустился вниз, где в воздухе висела плотная «воздушно-капельная» дымка и грохотало так, что закладывало уши. Словно истребитель шел на взлет. При уровне шума в сорок децибел теоретически можно отдыхать. После шестидесяти испытываешь беспокойство. За восемьдесят – уже психуешь. После ста подвергаешь жизнь опасности и смертельному риску. Здесь же грохотало сотни под полторы, и терпеть это было невозможно. Почему? Ширина реки не превышала семидесяти локтей. Откуда эта мощь? И жуткое чувство страха...

Я развернулся, полез обратно. Трое стояли на косогоре и очень пристально меня разглядывали. За деревьями шум реки сделался приглушеннее.

– Послушай, Михаил Андреевич, – съерничал Аристов, – судя по твоей физиономии, с этого момента мы обязаны начать новую жизнь. Твоя физиономия – безбрежное таинство непознанного мира. Но сегодня не понедельник – это я к тому, что для начала новой жизни...

– Сегодня первое число, можно начинать новую жизнь. Знаете, господа, неясное чувство мне подсказывает, что перебраться через скалы мы не сможем. Предлагаю отправиться по течению, развести костер, подсушить мокрых куриц – а таких у нас ровно половина, – а заодно осмотреться.

Возражений не было. Мы отправились в обратном направлении по проторенной дорожке, но прошли всего лишь метров триста, как за спиной раздался сумасшедший хохот...

Смеялся сержант Капустин, замыкающий шествие. Он сидел на корточках, держась за животик, и ржал, как гагара. Не рано ли? – встревожился я. Крепкий парень вроде, нервы в порядке.

– Вы посмотрите на этого дуралея... – захлебывался сержант, тыча пальцем куда-то поперек реки. – Ох, я сейчас от смеха помру...

Мы невольно проследили за его пальцем. То, что вылезло из кустов на обратной стороне потока, в принципе было рядовым Балабанюком, но лишь отчасти. Чумазый, плащ-палатку и головной убор потерял – сверкала стриженная голова с редкими клочками волос (парикмахер был юмористом). Ни автомата, ни амуниции. Вся тайга, что в редком разнообразии простиралась перед нами, оставила на парне образцы своей растительности, делая его от макушки до зеленых сапог каким-то камуфлированным чудовищем. Руки тряслись, зубы лязгали – даже через бурные воды было слышно, как его корежит и выгибает. Увидев нас, парень рухнул с травянистого обрыва и на пятой точке съехал к берегу. Замялся у воды, беспомощно простер к нам руки.

– Ой, я не могу... – вздрагивал Капустин. – Балабанюк, ты что там, блуд с волчицей затеял?!

Парень затравленно озирался, оступись, чуть не плюхнувшись в воду. Запрыгал в каком-то ритуальном танце.

– Эй, подкидной, перо в башку воткни для завершения образа! – крикнул Капустин. – Балабанюк, да что с тобой? Мужика в бикини увидел?

– Послушай, сержант, – заподозрил я, – почему-то мне не кажется, что твой подчиненный прыгает от радости. Бойтся он чего-то.

– Не бойтся, а ошизел от страха, – буркнул Булдыгин. – Не понимает, что страх нужно держать при себе, он нам еще пригодится. Не пускай зверя в дом, короче.

– Ты о чем, Викторыч? – не понял Аристов.

– Не обращай внимания, – проворчал Булдыгин.

– Эй, Балабанюк, ты можешь внятно объяснить, что за блажь на тебя нашла?! – орал сержант. – А ну, бегом к нам, чего ты там тормозишь?

– К-конечно, товарищ сержант... – обрел дар речи потерянный. – Н-не поверите, т-там мужик к-какой-то... С-существо, на человека похожее... С-страшное, шерстью обросло, м-мычит, н-на руках п-прыгает... п-посмотрел на меня так...

– Стоглазый? – хохотал сержант.

Паренек метался на пяточке, не решаясь лезть в воду.

– Давай же, рядовой! – грозно изрыгал Капустин. – Кто кричал, что плавать умеет? Ко мне, рядовой, это приказ, тащи свою непоротую задницу!

– Сержант, попридержи коней, – неодобрительно заметил я.

Он повернулся ко мне, его глаза диковато блестели.

– Я нарушаю устав, прокурор? А ну, внимательно взгляните на этого балбеса. Он же умом тронется, если на него хорошенько не наорать!

Отчасти сержант был прав. Подгоняемый воплями, соорудив страдальческую мордашку, Балабанюк вошел в воду. Через несколько секунд он уже плыл вразмашку поперек течения, потешно надувая щеки.

– Сносит бойца, – заметил Капустин, – пойду ловить.

– Странно, – пожал плечами Булдыгин. – Обросшее шерстью существо, похожее на мужика. Мычит. На руках прыгает. Ровно по Линнею, коллеги – Хомо Ференс, подвид человека, лишённого дара речи, покрытого волосами и передвигающегося на четвереньках.

– Я знаю, – вспомнил Ленка, – повышенная волосатость – это следствие гипертрихоза.

А мне на память вдруг пришла сизая мгла в соснах и тень, ловко прыгающая от ствола к стволу. Змейка поползла по позвоночнику. В сущности, Булдыгин глубоко прав – рано еще пускать зверя в дом.

– Ну, ты даешь, солдат! – рычал Капустин, вытягивая парня из воды. – От тебя пахнет так... ну, прямо воняет! Крыша едет, боец?! Где оружие, я тебя спрашиваю? Потерял?! А что такое трибунал, ты еще помнишь?!

– Потерял, товарищ сержант, – простонал боец и, не найдя точки опоры, сполз на землю. – Делайте, что хотите, мне уже все равно... Пусть трибунал, пусть колесование перед строем...

– Не наезжай на парня, сержант, – строго сказал Аристов. – Чего ты смотришь? Фонтан, говорю, заткни. А то сами наедем. Я тоже автомат потерял – так что же? И меня под трибунал?

– Действительно, – заметил я, – кончай выкорячиваться, парень. То, что с нами произошло, не лезет ни в какие рамки. Скажем спасибо, что живы остались.

– Пусть объяснит про своего Хомо Ференса, – проворчал Булдыгин. – Не понимаешь, рядовой? Не силен в классификации редких видов? Кого ты там повстречал? Волосатого, на четвереньках...

– В натуре, товарищи офицеры... – встрепенулся боец, как-то резво подскочил и проникновенно уставился на дальний берег. – Автомат я потерял еще ночью... В реку упал, каменюшкой по башке получил... А тут еще плащ-палатка мешается, руки в ней никак... ну, я и сбросил все на хрен. Прибился к берегу, полез куда-то, скользко, как на катке, падал, потом башкой треснулся повторно и отключился. Просыпаюсь это утром, а надо мной такая орясина... волосатая, ноздри раздуваются, тянет ко мне когтищи...

– Сказка якутская, – фыркнул сержант.

Балабанюк яростно замотал головой:

– Не знаю якутских сказок... У нас на Урале нет якутских сказок...

– Ты с Урала? – встрепенулся сержант. – Какого хрена, не может быть, Балабанюк! Ты из Томска!

– С Урала я... – простонал солдатик. – Уж мне ли не знать? Забирали из Томска – учился я там, не ко времени взял академический отпуск... А родом с Верхней Пышмы, в ней и прожил до семнадцати лет... Слышали про такую?

– Мать моя... – схватился за голову Капустин. – Мы с тобой соседи, боец, а ты молчал как убитый!

– А надо было говорить, товарищ сержант?

Капустин постучал кулаком по лбу. Посмотрел на нас, как бы требуя подтвердить диагноз. Действительно, девять месяцев назад зеленый новобранец дал маху. Что такое землячество в Российской армии, не знает только последний эфиоп. А мог бы облегчить себе жизнь.

– Лучше поздно, чем никогда, – усмехнулся я. – Так как там насчет баек из склепа, Балабанюк? Этот Вася пытался тобой закусить?

– Не знаю, товарищ прокурор... Мне кажется, я тоже напугал его. Подскочил – а он как прыгнет в кусты... Я к реке, а он – за мной... Ей-богу, товарищ прокурор, я таких экземпляров только в кино, и то не во всяком...

– И где он сейчас? – как-то подозрительно сглотнул Аристов.

– Не знаю... Там, наверное, в кустах...

– А это мы сейчас проверим. – Капустин клацнул затвором. – Заодно и оценим возможности автомата Калашникова после пребывания в воде.

Никто не стал его останавливать. Все следили с жадным любопытством.

Длинная очередь пропорола кустарник на дальнем берегу. Сместился ствол. Второй кустарник задержался, теряя листву.

– Ха, – сказал Аристов, – внесли элемент разнообразия.

Истошный вопль огласил замшелые берега! Что-то гибкое, бесформенное, издавая невнятные горловые звуки, выкатилось из кустов на обрыв, обрушилось, запрыгнуло обратно, ловко перебирая конечностями. Не в шерсти оно было – в шкурах! На мгновение существо обернулось, продемонстрировав физиономию, заросшую волосами. То ли человеческую, то ли не совсем. Но передвигалось чудо-юдо отнюдь не по-людски. Проворно запрыгнуло на соседнюю террасу, взвились лохмотья – и оно уже покатило по гребню.

– Стоять, подлюка!!! – загремел на всю ивановскую сержант. – Стрелять буду!!!

– Права забыл зачитать, – машинально бросил Аристов.

Существо стрельнуло глазами – словно ядовитыми стрелами – и кувыркнулось за обрыв. Реакцию на событие было трудно переоценить. Все застыли в изумлении.

Покидали мы это чарующее местечко в аварийном порядке, но в целом организованно. Поднялись на откос, пробежали мимо темного леса, ошетилившегося изгородью терновника, и на моховой полянке сделали привал. «Заодно и перекусим», – мрачно пошутил Аристов, кивнув на семейку желто-коричневых мухоморов, усыпанных белыми бородавками.

Запуганного солдатика, на котором не осталось ни одного чистого места, сержант отправил мыться и стираться. «Бегом, земляк! И помни, что российский солдат – образец высокой гигиены!» Вслед за пареньком спустились Аристов с Булдыгиным. А я сидел с автоматом на господствующей высоте и зорко их стерег. К возвращению в лагерь на полянке потрескивал костер. Капустин вворачивал в землю рогатины, строгал перекладину. Набил солдатскую фляжку листьями смородины, залил воду, приспособил над огнем. Пока сушилась одежда, он отлучился в лес, предупредив, чтобы сильно не пугались. Пальба стояла, как на стрельбище. Вернулся он минут через сорок, со свежими ссадинами, но довольный. Бросил у костра пару птиц с морщинистыми шейками, обозвав их куропатками, и приказал Балабанюку разделить (а если не умеет, то он сам Балабанюка разделает).

К полудню мы сидели чинным кругом у костра, грызли пережаренную дичь, запивали душистым чаем и обменивались мнениями о положении дел.

– Я надеюсь, это не болезнь – с непредсказуемым протеканием и симптоматикой? – угрюмо осведомился Булдыгин.

– Да не, – отмахнулся сержант, брызнув жиром на жадно жующего рядового, – человек это был. Лохмотья нацепил, не брился годика два, не мылся. Не солдат, одним словом.

– На четвереньках прыгал, – добавил я.

– Жизнь такая, – пожал плечами Капустин.

– То есть все нормально? – уточнил я.

– Ну, не совсем... Послушайте, господа офицеры, мы свои предположения будем строить в рамках разумного или как придется?

– Нам тесно в рамках разумного, – сострил Аристов.

– Позвольте, – возмутился Булдыгин, – если мы начнем говорить о параллельном мире, то я лучше посплю. Одичавший бродяга с развитыми конечностями и не имеющий привычки мыться – это не повод строить фантастические гипотезы.

– Но местечко не похоже на окрестности Марьяновска, – напомнил я. – И климат несколько отличен. В наших краях циклоны катятся один за другим, дожди замучили, а здесь при нас еще не было ни одного дождя. Только тучи. Природа симпатичная...

– Урочище, – пожал плечами Булдыгин. – Что мы знаем о биологических казусах? Давайте считать, что мы попали в заповедник со специфическими условиями.

– Выбираться надо отсюда, – пробормотал Балабанюк.

– Да вам-то с сержантом как раз спешить некуда, – улыбнулся Аристов, – служба идет. Впрочем, неприятности предстоят, согласен. Что произошло вчера вечером? Пропали несколько солдат, представитель младшего командного состава, командир роты и трое работников военной прокуратуры. Не говоря уже о дезертирах. Это многовато – поиски будут. Двое бойцов оттащили раненого на дорогу – они и покажут запоздавшему подкреплению злосчастную скалу, от которой стартовала тропа. Безусловно, найдут тела ваших однополчан и стреляные гильзы у спуска в пещеру. Не исключено, что в подземелье снизойдут не бестолковые срочники, а обученная группа МЧС. Пойдут по следам. Доберутся до места схватки. А дальше... начинаются разночтения. Догадаться, что нас унесло рекой, они могут... если выйдут к реке. Что мы знаем о последствиях обвала? Порода мягкая, могла завалить все проходы. Принцип домино, понимаете? Локальное обрушение рождает тотальную деструкцию...

– И нас сочтут благополучно погребенными, – закончил я. – Расчищать завалы будут месяц, если будут, родным сообщат неприятные известия.

– Я же говорю, выбираться отсюда надо, – вздрогнул Балабанюк.

– Выбираться надо, – подтвердил Булдыгин. – Надеюсь, этим мы и займемся в ближайшее время. В отличие от некоторых присутствующих, у меня имеется семья, которая известие о пропаже кормильца встретит... крайне негативно.

– Да и моя Зинка вряд ли станет рукоплескать, – кивнул Аристов. – Поэтому предлагаю не заострять мистическую составляющую наших злоключений, забыть про рядового Райнова, который, если и не помер, неизбежно обретет свою божью кару, быть во всеоружии и поскорее найти дорогу обратно.

– А все-таки интересно, зачем сюда понесло дезертиров? – пробормотал я. – В этом урочище обетованная страна?

Аристов спалил меня взглядом.

– ...Под словом «всеоружие» я подразумеваю все оружие, имеющееся у нас в наличности.

– Меньше магазина, – покосился на него Капустин.

– А у меня полный боекомплект, – похвастался я, – три рожка. Ни одного патрона не извел.

– Пацифист ты наш, – ущипнул Аристов.

Сказка про белого бычка продолжалась. Булдыгин заявил, что в неизвестность всегда успеем, нужно снова дойти до того места, где подземная река вытекает на просторы, и попытаться перебраться через скалы. Самое ужасное, что ему удалось убедить публику. Мы потеряли четыре часа! Грохотала вода, вырываясь из глубин Тартара, нахохленные вороны, сидящие на скалах, с интересом изучали наше поведение. Деревья флаговидной формы, бородачатая трава на отполированных ветрами уступах, стелющиеся стебли ветвистого кустарника с мелкими листочками – черная шикша. Здесь просто негде было подняться даже на метр! Впавший в азарт Балабанюк под одобрительные выкрики сержанта забирался на деревья, растущие вплотную к скалам, надеясь перебраться со ствола на скалу, и лишь чудом не ломал голову. Последнее падение остудило пыл бойца. Он встал на дрожащие ноги и сказал:

– Товарищ сержант, разрешите обратиться?

Все невольно расхохотались, а Капустин жирно покраснел.

– Да ладно, Сашка, бросай эту уставную хрень. Меня Антохой звать. Чего хотел-то?

– Да это самое, товарищ сержант... – Боец смутился, как красна девица. – Давайте я вон на ту высокую сосну заберусь и посмотрю, что там дальше, за скалами?

Совместными усилиями мы забросили «белку» на нижнюю ветку и уселись на перекур. Минут через пятнадцать рядовой свалился под ноги и доложил: перспективы нет. Горная страна. Ближайшие скалы еще не самые высокие, а вот те, что за ними, вообще до неба достают, никаких увалов или сплюсченностей.

– Удивительно, – пожал плечами Булдыгин. – А ведь до дороги Марьяновск – Чебаркуль не больше четырех километров. Не провалились же мы в пространственно-временной разлом?

– Но я же не слепой, – обиделся Балабанюк и уставился голодными глазами на тлеющий в кулаке у сержанта окурок.

Булдыгин завел просветительскую песнь о том, что топонимы, гидронимы, а главное, ойконимы не имеют свойства пропадать с карт, а следовательно, все на месте, и до дороги рукой подать. Нужно идти вдоль скал, и мы обязательно упремся либо в ущелье, либо в седловину. И опять ему удалось убедить людей! Мы тащились по разделу сосняка и «горной страны», пока не уперлись в разлом, вгрызающийся в сердцевину скалы. Двадцатиметровая пропасть с чахлыми кустиками на дне. «Не беда, – убитым голосом сказал Булдыгин, – свернем направо и двинем вдоль оврага, он скоро кончится». – «Сомневаюсь, – зловеще вымолвил Аристов. – Если и двинем, то кому-то по голове». Затея тащиться по-над пропастью – неведомо куда – никому не пришлась по душе. «Ноги переломаем», – совершенно верно подметил Аристов. Повернули обратно и, усталые, злые, кляня ни в чем не повинного Булдыгина, потянулись обратно к «водопаду». «Нужно переправиться через речку, – окончательно загубил репутацию Булдыгин, – и пойти дальше на северо-восток». «Держайте, сэр, – снисходительно разрешил Аристов и насмешливо уставился на коллегу, – а мы посмотрим».

Кончилось тем, что, проклиная все на свете, мы опять потащились по течению. Журчали перекаты, прыткие зверьки, похожие на ласок, сновали по деревьям и кустам. С тела рядового Пыряева, тяжело махая крыльями, взлетел падальщик.

– Схоронить бы надо, – поморщился Булдыгин. – Не по-христиански как-то. Грешно.

– Нечем, – совершенно верно заметил Аристов.

– А ротного кто похоронит? – обозлился сержант. – А Шубина с Осиповым?

– Похоронят, – поморщился я. – Давайте хоть с открытого места его уберем. Прибудет похоронная команда – что закапывать будут?

Мы сделали остановку, оттащили тело в расщелину, засыпали камнями. Потянулись дальше, увязая в корнях и канавах. Миновали место пикника, зацепили влажный бор с обилием клюквы, ромашковый луг, полюбовались на скопище лисичек – словно оmlет разбрызгали по поляне. Несведущий в биологии Балабанюк кинулся на воронью ягоду. Успели вырвать буквально из пищевода, зачитав лекцию о вреде дурманящих плодов. Понятливо кивнув, он побежал в другую сторону, где в овражке произрастал очередной ягодник с приятным запахом сирени и сочными плодами, лепящимися на коре. Полакомиться рядовой не успел. Растение содержало ядовитый сок. Прикоснувшись к коре, он отдернул руку и тут же начал ее расчесывать до синих пузырей.

– Лесная сирень, – сообщил, ухмыляясь, Аристов, – волчье лыко, по другим источникам. Не попробуешь – не узнаешь.

– Не наедаемся, боец? – зловеще процедил сержант.

Что-то грузное, пестрое с криком вывалилось из-под ног, шумно побежало, замахало крыльями, взлетело. С концов поляны взмывали другие птицы, грузно закружились над деревьями.

– Глухари! – возликовал Капустин, вскидывая автомат. – Стреляйте, прокуратура! Они тупые, пока сообразят, мы их накрошим!

Мы открыли ураганный огонь, подстрелив двух птиц. Остальные разлетелись. Добычу прицепили к поясам, потащились дальше. Периодически смещались вправо, чтобы убедиться, что река не пропадает. Бурные воды неслись на северо-запад, омывая груды крапчато-серых валунов. Неровности речной впадины постепенно сглаживались. На смену строевым соснам приходила унылая чернорукая ольха, кровавый боярышник с волосистыми листьями. Темнокорая крушина – неизменный сосед ольхи и обитатель влажных мест. Мы рискнули отдалиться от реки – уж больно заманчив был просвет между деревьями. Но вышли на закрытую поляну, заваленную буреломом.

– Назад, господа офицеры, – махнул рукой сержант. – Не стоит отдаляться от реки... Балабанюк, итить твою, куда полез? Ты что там нашел? Урановую руду?

Мы отправились по диагонали – через чахлый, полумертвый березняк, заросли папоротника, вездесущую костянику, рассыпанную по зеленому ковру.

– Обратите внимания, господа, – подал голос давно не выражавший светлых мыслей Булдыгин, – в сухую погоду листья костяники сворачиваются в трубочку. Если расправляются – скоро дождь. Эта ягода – типичный барометр.

– Скоро дождь, – сказал Аристов.

До берега в душевном спокойствии мы так и не дошли. Одолели овраг, заполненный останками малосимпатичной органики, передохнули на краю, побрели дальше. Тут я и почувствовал что-то затылком. Обернулся, бросив палец на предохранитель.

Фигура в лохмотьях метнулась за березу.

Сержант, быстро глянув на меня, присел за поваленным деревом.

– Оно, – сухо поведал я. – Раздвоенная береза слева от оврага... Чему улыбаемся, сержант?

– Да так, товарищ прокурор, – сержант зловеще подмигнул. – Настроение нормальное? Оттянемся со всеми безобразиями?

Я хотел сказать, что вырос из молодежных развлечений, но сержант уже бросился бежать, полагаясь, видимо, на мою адекватную помощь. Существо метнулось из-за дерева – я выстрелил чуть правее. Незнакомец отшатнулся, снова спрятался за березу. Повторил попытку – я вновь загнал его обратно. Широкая спина сержанта перекрыла прицел. Существо оторвалось-таки от дерева, помчалось к оврагу, прыгнуло и как-то ловко, словно не касаясь дна, вынырнуло на обратной стороне. Побежало, виляя, на внушительную скальную гряду, отделяющую лес от берега. У сержанта переплелись ноги, матерок взмыл до крон деревьев. Я тоже кинулся бежать – напрямую, по короткой дороге.

– Михаил, ты куда? – взмолился за спиной Булдыгин. – А нам что прикажешь?

– Аплодировать... – плюнул я за спину.

Существо уже карабкалось по скале. Проворно у него получалось, черт возьми! Но и Капустин не стал вылеживаться – перекатился через ложбину, плюнув короткой очередью. На поражение не стрелял, молодец. Пули чиркнули над головой существа. Видно, этот чудик имел представление, что такое огнестрельное оружие: истошно завыл (как воют инвалиды, лишённые дара речи), скрючился, сжал виски коленями, заткнул уши. Мы уже подбегали. Капустин, морщась от боли, растирал коленку.

Что это было? Пятница, Бен Ганн, снежный человек? Драная мешковина кое-как прикрывала жилистое тело. Ноги обмотаны какими-то тряпками, ногти на костлявых пальцах обломаны, черны от грязи. Волосы, как пакля, посреди макушки – сизая лысина.

– Ну и куда мы денем этого апостола? – начал сомневаться Аристов. – Эй, земляк, извини, конечно, за беспокойство, давай, слезай. Сам первый начал.

Существо подняло голову.

– Мать моя женщина... – ахнул сержант. – Ну и витрина у тебя, дружище.

Лицо у существа было изрыто гнойными коростами – даже не лицо, МОРДА. Брови в разные стороны – косматые, седые. Глаза колючие, ядовитые. Борода клочьями, нос ввалившийся...

– Ну и ну... – прошептал Балабанюк. – Трипак ходячий... Сыпь пошла и нос ввалился...

А дальше все опять пошло не по плану. Над гребнем объявилась свежая личность – немного отличная, но из той же серии. Коротышка, детеныш, такой же лохматый, с озорно блестящими глазами, взгромоздился на скалу, свесив ножки. Задорно свистнул, отвлекая внимание. Первый встрепенулся. Коротышка завизжал, как выпь. Швырнул в сержанта камень, пользуясь нашим замешательством!

– Ах ты, гаденыш! – завопил Капустин, хватаясь за живот. Второй «снаряд» уже летел в меня. Я успел отклониться и, потеряв равновесие, свалился в терновый куст. Выпь захохотала. А дальше нас элементарно сделали. Рассвирепевший сержант получил вторым камнем. Пользуясь случаем, первое существо подпрыгнуло, зацепилось за гребень, как-то по-обезьяньи подтянулось и пропало. Финальный залп из двух камней, «человеческий детеныш» скорчил уморительную мордашку и тоже исчез.

Мы помчались в обход. Ума не приложу, зачем мы гнались за этими троллями? Поймать уродцев? Допросить с пристрастием? Капустина гнала праведная месть («дедушку» Российской армии осрамили), а нас? Мы выскочили на обрыв, а сомнительные личности уже катились кубарем к реке. Недолго думая, плюхнулись в воду. Поток накрыл их, как одеяло.

Мы стояли на обрыве, высматривая «потерпевших». Где же эти люди-звери?

– Ну и дела-а, братцы... – протянул Аристов. – Напрашивается, как ни верти, один из вариантов: либо эти черти так нас испугались, что не сочли зазорным умереть, либо они амфибии.

– Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, – выдал точную справку подошедший Булдыгин. – Сто десятая статья. До пяти лет.

– Смотрите! – воскликнул глазастый Балабанюк, выстреливая пальцем. – Не могу поверить!

Самоубийцами эти двое точно не были. Проплыли под водой метров двести (что невероятно даже при сильном течении!). Всплыли головешки – у дальней излучины. Пара минут, и странные создания уже карабкались на террасу, отряхивали воду, как собачки, лезли в гору. Тот, что маленький, невольно привлекал мое внимание. Было что-то в его несформировавшейся фигуре...

– Мужики, – осенило меня, – да это же девчонка лет тринадцати! Может, дочка этого любезного господина? Или внучка...

– Да-ама, – уважительно протянул Аристов.

– С камнями, блин, – сплюнул сержант. – В грызло бы ей выписать... – И, держась за отбитый бок, побрел в лес.

Энергичной рысью мы промчались краем темного хвойника. «Хвоста» не было. По фронту мелькнула излучина реки, мы повернули налево (чтобы не ходить лишнего), углубились в гниющее редколесье, произрастающее на торфяном болоте. Невольно сделали остановку, набивали животы голубикой (гонобобелем, по-научному), восстанавливая сгоревшие калории. А дальше произошло что-то странное и неприятное. Покидая голубичный лес, по идее, мы должны были выйти к речному берегу. И действительно показался просвет. Мечтая о привале, мы ускорили шаг и вскоре вырвались... к огромному озеру-котловану, в которое впадала река, служащая нашим ориентиром!

Мы молчали, потрясенные. Устье реки (назовем его пышно – «эстуарий») являло собой практически идеальную дельтообразную форму, красиво обрамленную кустами и гигантскими окатышами. Вода втекала в озеро практически беззвучно. Шумы остались в оборвавшемся русле. Вода поразительно спокойная, прозрачная, лишь в заливах и бухточках обросшая ряской и облюбованная камышами. Котлован практически геометрической формы, глинистые трехслойные берега, пихты пышным хороводом, каменные россыпи, крушина с эллиптическими листочками в качестве ландшафтного дизайна...

– Вот так сюрприз, – растерянно пробормотал Аристов.

– Река впадает в это озеро? – не понял отупевший с голубики сержант.

– Похоже, да, – вздохнул я.

– Но почему оно... не разливается?

– Устойчивый природный баланс, – пояснил Булдыгин. – Карстовые полости под ногами. Вода, истекающая из озера, питает невидимые ручьи, подземные реки, озера, хранилища, и количество вытекающей воды равняется количеству втекающей. Временами, возможно, озеро опускает уровень, временами поднимает...

– Мы теряем единственный ориентир, – напомнил я. – Впрочем, если наплевать на службу, на стремление попасть в цивилизованный мир...

– Мать честная, – пробормотал зачарованный Балабанюк, – представляю, какая здесь рыбалка...

Удаляться от озера было страшно. Мы встали на привал. Место для ночлега нашлось у тихой бухточки, прикрытой кустами. За два часа соорудили подобие шалаша, укрыли лапником, зажарили и уничтожили глухарей (что только обострило аппетит), и публика впала в голодную прострацию. Аристов тихо мечтал о морском гребешке с трюфелями, об утиной печени на подушке из яблок. Капустин очень кстати вспомнил, что у него в заглазнике имеется леска с крючком. Публика оживилась. Балабанюку было выдано ответственное задание – накопать червей. Срезали ивушку. После того как сержант выудил первого карася, скептически настроенный народ начал живо интересоваться происходящим. Балабанюк подобострастно вился вокруг сержанта, кланяясь поудить. После второго заброса извлекли изумленного язя – тот почти не сопротивлялся, шлепал ртом и шевелил пунцовыми плавниками.

Рыбы в этот вечер наелись до неприличия. Повеселели. Распределили дежурство у костра. Первым выпало, естественно, Балабанюку.

– Не сочти за проявление дедовщины, солдат, – сладко бормотал Аристов, заворачиваясь в лапник. – Посуди сам – «дедушку» Российской армии первым отправлять на дежурство просто глупо – не поймет он такой «политкорректности». Впрочем, можешь попытаться, если челюсть не жалко. А что касается трех офицеров... Даже не буду комментировать. В общем, не сочти за лапу судьбы, Балабанюк, марш на пост. И не вздумай там уснуть – проверю.

Ночь прошла спокойно. Утро было серым и печальным. Ползучий туман до краев наполнял озерную чашу. Люди ворочались, стонали, прижимались друг к дружке. Булдыгин жаловался на любимую невралгию.

– Боже правый, еще одно утро в Арктике... – хрустел он ледышками в горле. – Когда же это кончится... Мужики, нам надо срочно отсюда валить – нас же похоронят в Марьяновске, как вы не понимаете?

– Балабанюк, марш на зарядку... – хрипел сержант. – Служба продолжается, боец... А мне еще отчитываться перед твоей мамашей за сохранность ее щенка...

– А может, не надо, товарищ сержант? – жалобно умолял солдатик. – Мы же не в казарме...

– Да хоть в публичном доме! Марш на зарядку, говорю! Бегом! Двадцать кругов вокруг шалаша!

Вскоре от мелькания бегающего по кругу Балабанюка закружилась голова. Люди с криком поднимались.

– Балабанюк, кончай моросить, – раздраженно прикрикнул сержант. – Разбежался тут, без тебя голова кругом... Можешь оправиться. Стройся на завтрак!

Доели холодных карасей, запили водой из озера. Продираясь сквозь вязкий туман, мы обогнули чашу и вошли под сень брусничного бора. Направление – северо-запад. Густой подлесок задержал продвижение, но и он остался за спиной.

– Товарищ сержант, а эти ягоды можно есть? – кричал из кустов Балабанюк.

– Можно, Санек, можно, – снисходительно разрешал Капустин. – Но только раз.

Мы обходили стороной глухие ельники, топали по солнечным березнякам с обабками и мухоморами, по зараженным редколесьям. Булдыгин тормозил – жаловался на застарелую анальную трещину (как у Наполеона), на топографический кретинизм. В какой-то миг я что-то почувствовал. Грядет событие. Уже близко... Я оказался впереди всех, перепрыгнул через овраг, покорила терновник, преодолел высохшее русло речушки, земляной вал, заросший «футбольной» травкой. Уставился на дорогу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.